

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 45

II—1957

1. От Редакции — Юбилей митрополита Владимира	1
2. Беседа о любви — Св. Иоанн Златоуст	1
3. К понятию бедности в Свящ. Писании — В. А. Зандер..	3
4. К истории русского многострадального монашества — В. Н. Ильин	8
5. Мистическая поэзия <i>Juan de la Cruz</i> — Н. Арсеньев..	13
6. Чайния — А. Тыркова-Вильямс	22
7. Памяти о. Сергия Четверикова — В. З.	29
8. Мой стклик — прот. С. Четвериков	31
9. Краткие биографические данные об о. С. Четверикове..	36
10. Список важнейших трудов о. Сергия Четверикова	37
11. Миссионерский отдел Православная церковь в Уганде — Н. Струве.....	39
12. Библиография Игумен Геннадий. «Закон творения» — П. К.	41
13. Хроника а) Съезд Русского Студенческого Христианского Движения — Л. А. Зандер	42
б) Церковь в Советской России — Н. Струве	43

БИБЛИОТЕКА СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Вестник РСХД. выходит 4 раза в год на 48 страницах. Подписная
плата на год — 500 фр. Цена отдельного номера — 150 фр.
3-4 № par an. Prix du № 150 fr.

Prix de l'abonnement annuel: 500 fr. Adresse de la Rédaction :
Rédaction du «Messager», 91, rue Olivier de Serres, Paris-15e (France).

ЮБИЛЕЙ МИТРОПОЛИТА ВЛАДИМИРА

16 июня Русский Экзархат Вселенского Патриарха торжественно праздновал 50-летний юбилей служения в архиерейском сане высокопочитаемого и всеми любимого нашего Архиепископа Митрополита Владимира. Мы присоединяем свой скромный голос к тем, кто в этот знаменательный день принес свои поздравления Владыке, и радуемся, что находимся под его попечением. Мы знаем, что самое дорогое и бесценное у нашего Владыки — это его непрестанная и усердная молитва, — как знаем и то, что ничто так не нужно миру в тяжкие, страшные годы, которые переживает Россия и с ней вместе весь мир, как молитвенное обращение к Богу. Наша сила в мире определяется нашей молитвой, наше творчество в мире плодотворно только в том случае, если оно вдохновляется молитвой. За неутомимость молитвенного подвига Владыки мы и чтим его бесконечно и держимся за его молитвы о нас.

Да продлит Господь жизнь дорогого нашего Архиепископа и да подаст Он и нам ту же твердость в вере, усердие в молитве, безраздельную преданность Господу Иисусу Христу, какими одарил Господь нашего Архиепископа!

БЕСЕДА О ЛЮБВИ

(Из «Слов» св. Иоанна Златоуста)

... Почему ты один? Почему не приобретаешь многих друзей? Почему не являешься творцом любви? Почему не устроишь дружбы, этой величайшей похвалы для добродетели?

... Не думай, что нуждаться в помощи другого есть что-то позорное, это дело неизреченной мудрости Божией. Если мы нуждаемся друг в друге и даже эта необходимость взаимной помощи не соединяет нас узами дружбы, то, если бы мы сами могли удовлетворять своим нуждам, не сделались ли бы мы неукротимыми зверями? Силою и необходимостью покорил нас Бог друг другу, и мы ежедневно сталкиваемся друг с другом. Если бы

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001358

Бог снял эту узду, кто бы стал искать дружбы ближнего? Потому-то Бог и дал нам одно жилище — этот мир, возжег всем один светильник — солнце, простер над нами один кров — небо, и предоставил один стол — землю. Богатому он не дал чего-либо большего и более ценного, а бедному — меньшего и малочленного, чтобы между нами было полное и неразрывное единение, и чтобы никто не мог сказать: такой-то мне ни друг, ни родственник, ни ближний, и у меня нет с ним ничего общего, — как же я пойду к нему, как буду говорить с ним? Связь между нами должна быть даже теснее, чем та близость, которую обнаруживают между собою друзья; она должна быть связью члена с членом. И подобно тому, как ты не мог бы сказать: откуда мне родство и близость с ним? — потому что это было бы смешно, — так точно и о брате ты не мог бы уже сказать этого. Пусть он и не родственник твой и не друг; но он человек, имеющий одинаковую с тобой природу, одного и того же Владыку, и живущий в одном и том же мире. В рассуждении денег, мы хвалим тех, кто ничего не должен; в рассуждении же любви, мы восхваляем тех, кто остается всегда должником. Утвердимся же в этой истине и соединимся друг с другом; и если кто захочет отпасть, ты сам не отпадай и не говори этих холодных слов: если любит меня, люблю его; если же не любит меня правый глаз, то вырываю его. Напротив, когда он не хочет любить, тогда покажи еще большую любовь, чтобы привлечь его, — ведь он член. Когда, в силу необходимости член отделяется от остального тела, то мы делаем все, чтобы опять соединить его с телом, и обнаруживаем особенную заботливость о нем. И награда тебе будет больше, когда ты привлечешь не желающего любить. Если на пир Бог повелевает звать тех, кто не может отплатить нам, чтобы увеличить воздаяние, то тем более должно делать так в рассуждении дружбы. Тот, кто, будучи любим тобою, любит взаимно, воздает уже тебе награду; тот же, кто, будучи любим, не любит тебя, делает вместо себя твоим должником Бога. И кроме того, когда он любит тебя, немного требуется старания; когда же не любит, то имеется нужда в твоей помощи. Не делай же причиной беспечности того, что должно быть причиной заботливости, и не говори: так как он болен, то я пренебрегаю им; болезнь эта — охлаждение любви: согрей же охлажденное. Ведь желание быть сильно любимым происходит от сильной же любви. Когда мы не особенно расположены к кому-нибудь, то не нуждаемся и в тесной с ним дружбе, хотя бы он был великим и знаменитым человеком; но когда мы любим кого-нибудь горячо и искренно, то хотя бы любимый был ничтожным и маленьким человеком, мы

считаем за величайшую честь ту любовь, которую он внушает нам.

... И вот, что удивительно в любви: тогда как все другие блага имеют сопряженное с ними какое-нибудь зло, — например, нестяжатель часто гордится в виду своей бедности, искусный в слове недугует славолубием, смиренный часто по этому самому превозносится в глубине души, — любовь же свободна от всякой такой пагубы, потому что никто никогда не возгордится над любимым...

К ПОНЯТИЮ БЕДНОСТИ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Тема бедности, как она дается нам в Свяш. Писании, полна удивительной парадоксальности:

«Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми» (Иак. 2-5) или:

«Мы нищие, но многих обогащаем;

ми ничего не имеем, но всем обладаем» (2. Кор. 6-10), а также слова самого Христа, как они переданы нам в Евангелии от Луки:

«Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие... напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лук. 6, 20, 24).

Чем объяснить такое грозное отношение к богатым, из которых некоторые отличались даже праведной жизнью, как например, богатый юноша (Мф. 19, 16-26; Мр. 17-31; Лк. 18, 18-30) и такое ублажение бедных?

Для того, чтобы уяснить тот смысл, который Св. Писание придает понятию бедности, необходимо ознакомиться с теми этапами, через которые это понятие прошло в Ветхом Завете, понять ту эволюцию, которую оно совершило под влиянием испытаний, выпавших на долю Израильского народа и послуживших подготовительным путем для восприятия учения Христова и осуществления тайны домостроительства Божия. Учение Христово, для неподготовленных, было настолько странно («какие странные слова» Ио. 6, 60), что даже ближайшие ученики удивлялись и ужасались ему (Мф. 19, 25; Мр. 10, 24, 26), хотя Христос говорил на языке своей эпохи и своего народа (арамейском) и, для того, чтобы быть понятым, пользовался понятиями, выработанными на протяжении всей ветхозаветной истории. Нужны были тысячелетия испытаний, бедствий, лишений, катастроф для того, чтобы подготовить сердце человеческое к восприятию тех «странных» слов, которые раздались из уст Христовых в Галилейских селениях, на берегах Геннисаретского озера.

Если вчитываться в тексты ветхозаветных книг, нельзя не заметить, что слова о бедности, о бедных и нищих существовали всегда (Втор. 15, 11), как и призыв к милосердному к ним отношению. Но благая весть Христова состояла в том, что Господь Сам облекся в нищету и сказал, что кто не может следовать за Ним по этому пути бедности, тот не может быть Его учеником (Лк. 14, 33). Господь стал Богом нищих, страждущих, плачущих и обремененных, говоря, что трудно «надеющимся на богатство» войти в Царствие Небесное (Мр. 10, 23-24). Этим Христос вложил новый смысл в то, что подготовлялось древними.

У Израильского народа, в раннюю эпоху его истории, бедность считалась наказанием за грехи и беззакония (Лев. 26, 14-41), а богатство — даром Божиим, наградой за праведность. Господь благословляет Авраама и дает ему «овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов» (Быт. 24, 35), «Господь делает нищих и обогащает» (1 Цар. 2, 7) и «дает силу приобретать богатство» (Втор. 8, 18), чтобы человек не говорил в сердце своем: «моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство» (Втор. 8, 17).

По выходе народа Израильского из Египта, народ этот всегда противился Господу (Втор. 9, 7), был народом «жестокосердным», как сказано о нем (Втор. 9, 6) и для того, чтобы возобновить с ним завет, заключенный с Авраамом, Исааком и Иаковом, Господь избирает из среды его Моисея, «кротчайшего из людей», как о нем говорится (Числ. 12, 3. Втор. 9, 13) и через него обращается к народу. И от народа этого, грубого и жестокого, не удовлетворявшего правилам элементарной справедливости, Господь требует любви не только к ближнему («люби ближнего твоего, как самого себя» Лев. 19, 18), но и к пришельцу («Господь Бог ваш... любит пришельцев... любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской» Втор. 10, 17-19. Исх. 22, 21; 23, 9. Лев. 22, 22), требует не в силу одной только социальной справедливости, а потому, что Он Сам свят, праведен и милосерд (Лев. 11, 44, 45; 19, 2; 20, 7, 26; «будьте святы, потому что Я свят»).

Основными типами бедных в ранних книгах Ветхого Завета (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие) были вдовы и сироты (Исх. 22, 22-23. Втор. 24, 17. Лев. 19, 10. Исх. 22, 21. Втор. 14, 2, 9; 24, 17) и пришельцы, и Господь, в законодательстве данном Моисею, требовал к ним милосердного и снисходительного отношения (Исх. 23, 9. Лев. 19, 33. Втор. 15, 7; 16, 11; 19, 21; 24, 14). Господь требует не обирать виноградника до чиста, а оставлять остаток бедному и пришельцу (Лев. 19, 10), также и

остаток жатвы (Лев. 23, 22. Втор. 24, 19); не задерживать платы наемнику (Втор. 24, 14-15); отпускать раба на свободу (Исх. 21, 2) и «не с пустыми руками» (Втор. 15, 12-14), но снабжая его всем необходимым; землю не продавать навсегда (Лев. 25, 23), ибо (говорит Господь) «Моя земля: вы же пришельцы и поселенцы у Меня». Того, кто обеднеет, надо поддержать, поселить у себя и не брать с него роста и прибыли (Лев. 25, 35-36). Не давать в рост серебра (Лев. 25, 37) и выкупать продавшегося в рабство (Лев. 25, 48).

По мере развития морального сознания, выразителями социальной тревоги в народе являются пророки, которые становятся защитниками нуждающихся и громят возрастающую роскошь сильных мира, их равнодушие и презрение к нищим и убогим. Несмотря на увеличение богатства, бедность не уменьшается и, помимо существующих типов бедных (вдовы, сироты и пришельца), в до-пленную эпоху (т. е. до падения Иерусалима в 586 г. до Р. Х. и депортации евреев в Вавилон при Навуходоносоре) упоминаются еще три категории бедных:

- 1) нищий, просящий милостыню (по-еврейски «раш», множ. число «рашим»);
- 2) увечный, страдающий физически (по-евр. «дал», мн. чис.: «далим»);
- 3) неимущий, обездоленный («эбион», мн. чис. «эбионим»), пострадавший морально от какого-либо общественного бедствия или чужеземной оккупации.

К этой последней категории относятся те бедные или «нищие», как они названы в русском переводе (СПб. Синодальная типография, 1911 г.), о которых говорит Втор. 15 «если будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, в одном из жилищ твоих, на земле твоей, которую Господь Бог дает тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей перед нищим братом твоим, но открой ему руку твою и дай ему взаймы, смотря по его нужде» (ст. 7-8). «Нищие всегда будут среди земли твоей, потому Я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (ст. 11). Таким нищим — эбионом — стал весь народ Израильский во время Вавилонского плена, когда один Бог остался у него защитником, как это высказано в книге пр. Исаии 25, 4; «Ибо Ты был убежищем бедного, убежищем нищего в тесное для него время».

Если пророческие речи пророков Амоса, Осии, и более ранние Исаии, до Вавилонского плена и разрушения Иерусалима, носят еще социальную окраску, то авторы книг Царств, писавшие, вероятно, уже во время плена, видят в бедствии постигшем Из-

раильский народ, наказание Божие за то, что цари не оказывали покровительства бедным, притесняли нищего и предавались излишествами и горделивому самодовольству. Таким образом, политические бедствия и социальная неустроенность осознаются уже в свете морали. Само понятие бедности постепенно начинает терять чисто экономический характер, получает новые оттенки. Еще в до-пленную эпоху у пророка Амоса, к понятию бедности присоединяется окачествование праведности, которое даже иногда с ним совпадает: («так говорит Господь... не пощажу [Израиля]... потому что продают правого за серебро и бедного за пару сандалий...». Ам. 2, 6). За это падает гнев Божий на Иерусалим и «огонь пожирает чертоги его». И в священных текстах появляются термины, относящиеся еще к двум категориям бедных, помимо уже упомянутых. Эти бедные суть: 1) униженные, угнетенные праведники, те, которые бедность переносят с сокрушением сердечным (евр. ани-им) (Пс. 10, 2, 3, 4, 5). Господь праведен, любит правду и «лице Его видит праведника» (Пс. 10, 7). Ко второй категории относятся 2) те, которые бедность сочетают со смирением и кротостью. Это «анавимы» (евр.), Божии люди, в русском переводе — убогие или кроткие (Пс. 9; 33, 3, 36, 11) «а кроткие наследуют землю».

Таким образом понятие бедности получает духовный коэффициент и чем тяжелее экономические и социальные условия Израильского народа, тем понятие бедности обогащается более высоким и глубоким смыслом и отношение ветхозаветных писателей к «анавимам» облекается особым чувством любви и нежности. Уже в более раннюю эпоху «кротчайший из людей», Моисей, несший на себе все бремя и тяготы Израильского народа, назван был «анавимом» (Числ. 12, 3), а позднее, во времена скорби народной, пророки к чувству кротости присоединяют еще оттенок покаяния, сокрушения, внутреннего обращения сердца и изменения мыслей. Задолго до того как на берегах Иордана раздался призыв Крестителя «покайтесь», пророки, провидя неизбежное падение Иерусалима и гибель своего народа, призывали утопавших в роскоши к покаянию, а бедных — к терпеливому и смирному перенесению скорбей.

И «анавимы» — это те смиренные духом, смиренные мыслями, кроткие сердцем, которых мы позднее встречаем у св. Матфея (5, 3) и которые переданы в русском переводе как «нищие духом». Сломленная гордость, сердце испытывавшее некий надлом, крушение своей мечты, своего идеала, который, может быть, принимался иногда за религиозный — вот то, чего требует от Своего народа Господь. Все, что заслоняет Бога и Его волю должно

быть сокрушено и отброшено («Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничтожит» Пс. 50, 19). Любовь Божия к этим сокрушенным и смиренным анавимам особенно ярко и сильно выражена пр. Исаией, его учениками и составителями псалмов. «Что вы тесните народ Мой и угнетаете бедных? говорит Господь Бог Саваоф» (Ис. 3, 15). «Вы опустошили виноградник; награбленное у бедного — в ваших домах» (Ис. 3, 14). В песне Возлюбленного о винограднике (Ис. 5 гл.) слышатся укоры, бросаемые богатым и пророчества о надвигающемся гневе Господнем, который падет на Израильский народ, из которого только малый остаток спасется (Ис. 10, 20-21). И от этого малого остатка произойдет отграсль от корня Иессеева, на котором почиет Дух Господень (пророчество о Христе) и Который будет судить бедных по правде (Ис. 11, 1-14).

Пророк Софония, лет за тридцать до падения Иерусалима, также говорит об этом малом остатке Израиля, который будет народом бедным и простым и послужит в устройении дела спасения. «Я удалю из среды твоей тщеславящихся... но оставлю среди тебя народ смиренный и простой... Я спасу хромлющее и соберу рассеянное»... (Соф. 3, 11-20). «Истреблены будут обремененные серебром... Ни серебро их, ни золото не может спасти их в день гнева Господа» (Соф. 1, 11-18). И у пр. Софонии звучит еще новая нота о добровольном «взыскании» и приятии бедности: «исследуйте себя внимательно... взыщите Господа... **взыщите смиренномудрие**» (Соф. 2, 1-3). Господь лишь с теми, кто **возжелал** стать «анавимом», т. е. смиренным бедняком, кто добровольно и смиренномудренно приял на себя нищету духовную. Как пр. Софония, так и его современник, пр. Иеремия, переживший падения Иерусалима и насильно увезенный в Египет, выражает мысль о добровольном приятии бедности и унижений и этим становится на тот путь, к которому, в дальнейшем, призываются христиане. Пр. Иеремия впервые высказывает даже ту мысль, что именно унижения, гонения и преследования являются неперемнным путем тех, кто желает служить Господу. «Ибо, так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посету вас... чтобы возратить вас. Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас... намерения во благо, а не на зло» (Иер. 29, 10-11). «Я буду наказывать тебя в мере, но ненаказанным не оставлю тебя» (Иер. 30, 11). «Любовью вечною Я возлюбил тебя и... Я снова устрою тебя» (Иер. 31, 3-4). «Они почили со слезами, а Я поведу их с утешением» (ст. 9).

В. А. Зандер.

(Продолжение следует)

К ИСТОРИИ РУССКОГО МНОГОСТРАДАЛЬНОГО МОНАШЕСТВА

(Окончание*)

По поводу книги проф. П. Смолича
«Rüssisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen»

Уже и в XIII веке было не без трений и не без вторжений светского влияния в стены русских монастырей. Смолич откровенно подчеркивает эти теневые стороны, которые впоследствии превратятся в несносное деформирующее иго. Сюда относятся: отвод неугодных братии кандидатов, мирское влияние и давление особенно со стороны ктиторов основавших монастырь, претензии на влияние и давление со стороны светских людей, считавших себя благодетелями монастырей и т. д. (стр. 70-71 и сл.).

Однако эти теневые стороны — ничто сравнительно с культурно-просветительной миссией, которой и прославило себя древне-русское монашество. Вся древне-русская литература и особенно богословско-философская, есть почти без исключений дело духа и рук русского древнего монашества. Мы уже упомянули св. Авраамия Смоленского, св. Кирилла Туровского, митроп. Киевского, Климента Смолятича (из Смоленска родом) с его «Посланиями пресвитеру Фоме», не говоря уж о первом плоде русской церковной учености о «Законе и благодати» — митроп. Киевского Илариона.

Но есть одна область, где религиозно-философское мирозерцание, национальное самосознание (единственная допустимая монашеским смирением форма персонализма), и наука исторической действительности соединяются в одно целое с высокой безыскусственной поэзией и недостижимым идеалом величавой и спокойной красоты — это **Летопись**. И. Смолич дает картину труда монаха летописца «Первоначальной» Летописи.

Кротким, непротивящимся злу монахом и в то же время грозой для всех обидчиков Святой Руси явился в XIV в. один из величайших святых земли Русской — преп. Сергей Радонежский, сыгравший по отношению к татарам ту же роль, что св. Жанна д'Арк сыграла по отношению к англичанам.

Здесь уже не «летописание», но делание истории на скрижалях каменных и часто кровавых и трагических. Преп. Сергей с его громадной и духовно плодоносной школой создал един-

ство национально-аскетической линии на Руси, вершины которой относятся к XIV-XV вв. Но тогда же начинается надлом и кризис, символом которого является столкновение «иосифлян» и «заволжских старцев», руководимых преп. Нилом Сорским, где внешне и «по положению» победили «иосифляне». Надлом постепенно превратился в зияющую пропасть и лишь старчество, прошедшее несомненно от традиции «заволжских старцев», возродило монашество уже в XIX в.

Частичную правду «иосифлян» — правду социального служения — очень хорошо показал о. Георгий Флоровский (Пути русского Богословия, стр. 18 и сл.). Помимо социального служения, очень важного, ибо оно было генерализацией евангельских требований служения «меньшей братии» для чего и нужны были большие владения, подряд, организация, был поднят вопрос о чистоте веры и борьбе с ересью жидовствующих, которая была определенным походом против христианства. Да и «заволжские старцы», конечно, ересь жидовствующих не признавали; они лишь требовали милосердия к заблуждающимся и отрицали возможность для церкви употреблять насилие, тем более казнить кого бы то ни было смертью. Несомненно «подлинная» борьба происходила в глубинах. Спор шел о самых началах и пределах христианской жизни и делания. Сталкивались два религиозных замысла, два религиозных идеала. Вопрос о селгах был только внешним поводом «разрядившим внутреннее напряжение» (Флоровский, там же).

В известном смысле, отбросив все преувеличения полемики, можно сказать, что те и другие скорее дополняли друг друга в глубинах, расходясь скорее на поверхности. «Осифляне» хотели быть в истории (ибо история и есть культура), а «заволжцы» были несомненно апокалиптики (но ведь апокалипсис в известном смысле способствует вызреванию культуры и является ее увенчанием в вечности, ее честью и славой, о чем говорит и сам Иоаннов Апокалипсис). Спор все более усложняется и теория взаимодополнения, а не взаимоуничтожающей распри все более и более выступает как единственно возможная и единственно мудрая в решении тяжбы «осифлян» и «заволжцев». Кроме того, те и другие вышли из духа преп. Сергея и на это указывает Смолич в главе, посвященной борьбе «осифлян» и «заволжцев», которых он считает в равной мере представителями аскетического делания (цит. соч. 101-118). Что же касается специально духовного делания «заволжских старцев» — нестяжателей, с их духовным главой, знаменитым преп. Нилом Сорским, то не нужно забывать их духовной генеалогии, восходящей

*) См. «Вестник» № 42 (III - 1956).

к афонским исихастам (Исихазм является важным аскетическим движением, связанным не только с практикой «умного делания», но и с богословием несозданного света фаворского. Смолич подчеркивает тот факт, что сам преп. Нил (Майков, 1433-1508) и его друг Инокентий Охлебинин (ум. в 1497 г.) посетили Святую Гору Афон после победы исихастов. Сам преп. Нил себя сравнивал с пчелой, а исихастический Афон — с ульем. И не удивительно: он принес с Афона не только мед тончайшего духовного делания, но еще связанные с этим деланием учение о том, что обожение есть цель и увенчание спасающего подвига.

За этим предельным расцветом древнего монашества на Руси начинается период «кризиса и обмирщения». Этот период, согласно историософскому замыслу И. Смолича, открывается брожением церковно-политических идей в Москве XVI в. (стр. 119-144). Этот кризис Смолич связывает все с тем же роковым спором о монастырских владениях, как в полемической литературе, так и в конкретном церковно-государственном законодательстве (стр. 145-179). Все ярче и сильнее ставится проблема православного царства и строительства этого царства, в связи с знаменитой идеей Третьего Рима и оттесняется на задний план чистая идея келейного монашеского делания, скитски-затворнического жития.

Церковь в ее «осифлянском» аспекте мечтала о православном царстве. Тема о православном царстве была поставлена всей совокупностью «осифлянских» установок и настроений, «осифлянского» делания, и этой заслуги мы от «осифлян» отнять не можем. Настроение же разлитое вокруг «темы православного царства и невидимого града Китежа» исполнено благоуханной и грандиозной красоты и поэзии; его необходимо учесть для того, чтобы понять откуда произошли в XIX и в XX вв. лучшие цветы Русской поэзии и Русской музыки. Это одно из воплощений темы «нового Иерусалима», который вместе с образом красной Пасхи Христовой есть вообще одна из основ православной культуры, особенно как она процвела на Руси. Повторяем, как «осифляне» (в лучшем, что в них есть), так и «заволжцы-нестяжатели», хотя по разному и в разной мере, но оба принадлежат к тому, пусть разделившемуся монашеству, без которого нет и быть не может Святой Руси.

Недаром ведь издревле игумены монастырей именуются также их «строителями». Священное хозяйство — общее и святое дело всей братии монастыря, несомненно является одним из лучших средств против обмирщения и обезбожения этой сферы, столь легко поддающейся обмирщению и обезбожению, а

стало быть и отходу от того духа священной красоты и поэзии, без которого нет и не может быть «Православного Царства». Вот почему должно считать в этом смысле очень существенной проблему «монастырских имений и монастырского хозяйства в XVI и XVII вв.».

Проф. И. Смолич настаивает все время на едином идеале восточного монашества связанном с правилами и уставами свв. Пахомия, преп. Феодора Студита и Василия Великого. Отход от этого идеала для восточной церкви, в том числе и Русской, при всей ее мощи и оригинальности, все же означает падение и обмирщение. Устав преп. Феодора Студита был обработан митроп. Алексием в строго киновийном, общежительном духе. Однако, идет непрерывное разложение в духе индивидуалистической «идиоритмии», которое привело уже в XVI в. к печальным результатам, отразившимся в полном иронии и яда «Послании Царя Иоанна Грозного к инокам Кирилло-Белозерского монастыря». Если выражаться современным языком, то перерождение киновийно-общежительного стиля в стиль идиоритмический нужно считать буржуазным или, если угодно, мешанским вырождением. А это означает в свою очередь разложение и секуляризацию всего стиля жизни «Православного Царства». Еще задолго до этого процесса и несомненно в виду его, такая величина в древне-русском монашестве и вообще в истории Русской Церкви, как преп. Евфросин Псковский (ум. 1481 г.) создал гениальный Устав синтетического и органического характера в строго киновийном, общежительном духе. Новозаветная письменность, творения св. Василия Великого, св. Исаака Сирина и св. Иоанна Лествичника лежат в основе этого замечательного труда великого аскета и монастырского строителя. Помимо общежительного братолюбивого жития, монах должен блюсти жизнь молитвенную, постническую, целомудренную и нестяжательную. Устав преп. Евфросина много уделяет функциям монастырского игумена, его отношениям и его управлению обителью. Устав преп. Евфросина, хотя и задуманный для основанного им монастыря, стал в своем роде универсальным созданием русского церковно-монастырского гения. Одновременно с преп. Евфросином подвизался преп. Нил Сорский. Его правило скитского жития совсем не противоречит киновийному правилу св. Евфросина, но для особых условий дополняет его, особенно если принять во внимание — и проф. Смолич делает на этом ударение — что основы у обоих были совершенно те же самые: трудоделание, молитва и нестяжание. Умерший в 1515 г. преп. Иосиф Волоколамский оставил после себя Устав, на который он однако смотрел не как на устав, а как на поучи-

тельную памятку своей братии и вообще последующим поколениям иноков. Заглавие этого устава в названном смысле очень показательно: «Духовная грамота». Дух преп. Иосифа в смысле строго кинувийного жития очень родственен духу Устава преп. Евфросина. Все три устава Евфросина, Нила и Иосифа возникли почти одновременно и означают некий синтетический идеал монашеского жития в эпоху его максимального цветения. Особенно следует подчеркнуть распространение общежительного стиля устава св. Иосифа и на управление монастырем: в этом управлении большую роль играет совет соборных старцев. Это есть своеобразная демократизация монастырского управления, в котором вообще голос братии часто играет решающую роль в древне русских монастырях. Утрата этой практики соборного строительства и управления с одной стороны и индивидуалистическое обмирщение с другой — вот характерные причины и признаки начинающегося разложения и вырождения. Не забудем, что и сама Афонская гора, дух которой всегда веял в устройении в древнерусской монастырской жизни, есть в своем роде **монашеская республика**. И боязнь этого соборного монашеского духа несомненно привела к гонениям со стороны так наз. «просвещенного абсолютизма», который есть характерный плод новой истории в Зап. Европе.

Это дело секуляризационной политики совпало с возросшим влиянием Запада (стр. 333-356), и было связано также со старообрядческим расколом, в котором монашество сыграло большую роль (стр. 357-382). Итак старообрядческое монашество, как и монашество «господствующей» церкви одинаково подвергались гонениям секуляризационной власти. Несомненно эпоха секуляризации должна быть отнесена к истории гонений на христианство.

Эпоха расцвета русской культуры и в частности литературы, поэзии и музыки в XIX в. имеет много аналогичного с эпохой расцвета византийской культуры после победы над иконоборчеством. Разница та, что никакой победы над секуляризационным светским государством не произошло, но началось возрождение монашества через старчество. Церковь и монашество получили мир благодаря личному благочестию некоторых Государей и расцвела церковно-академическая наука в четырех Русских Духовных Академиях, параллельно с расцветом Русской академической жизни вообще. Наконец опять просияло много праведников; среди них следует назвать величайшего святого земли русской преп. Серафима Саровского, типичного старца, не говоря уже о таких явлениях, как отец Иоанн Кронштадтский и целое созвездие Оптиных Старцев (стр. 470-529).

Старчество показывает, согласно верному мнению проф. Смолича, что процесс обмирщения не поглотил всех живых сил монашества — и даже помимо старчества, возникло много других образов религиозно-аскетического жития и святости, как в монастырях, так и в миру. От себя мы прибавим, что только благодаря неиссякающему источнику этой духовности, созданной монашески-иноческой подпочвой, могла появиться большая русская литература, религиозно-философская мысль и русская поэзия.

В. Ильин.

МИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Juan de la CRUZ

1.

Во все времена человек искал и ищет **Реальность**: того, что **подлинно есть**. Это искание, это томление очень остро ощущается и в наше время, хотя, может быть, не всегда оно осознано. С большой силой переживается в наши дни — и это теперь, пожалуй более распространено, чем прежде — ужас перед ничтожеством, перед беспрестанной, безвозвратной утратой всего, что мы имеем. И мы становимся поэтому иногда чутки к голосам, говорящим о Другом — о Несказанном, о том, что пребывает «Говорящим и Несказанным» — какой парадокс! В этой парадоксальности — великая сила притяжения мистических писаний; в этом как раз — огромная захватывающая сила и мистических творений, главным образом мистической поэзии Иоанна Святого Креста (*Juan de la Cruz*), монаха-кармелита, мистика и поэта 16-го века (1542-1591), одного из величайших поэтов и мистиков Испании. Можно даже, не колеблясь, сказать, что это один из величайших мистических писателей и поэтов всех времен.

Сначала впечатление как будто странное. Эстетически эти стихи захватывают вас; более того — они захватывают вас и религиозно, глубоко религиозно. В них чувствуется **музыка томления**:

La musica callada

Безмолвная музыка,

La soledad sonora

Полное звуков уединение,

La cena que recrea y enamora!

Трапеза, которая обновляет и исполняет любви!

(Cantico espiritual).

Музыка — вернее драма томления и искания и все превосмогающая радость прикосновения к тому, что единственно верно и подлинно и преизбыточествует, и исполнено истинной красоты и может поэтому удовлетворить тоску души к Божественному.

Образы «Песни Песней», но с еще более подчеркнутой струей тоски и томления, которая не только пронизывает всю драму искания Возлюбленного, но и все картины природы, дышащие какой-то потусторонней, мистической устремленностью. Какой-то иной мир, более богатый и цветущий, чем знакомый нам, более полновесный, и полнозвучный, и вместе с тем, более загадочный, встает перед нами, исполненный неясных шептаний и зовов и напоминаний о преизбыточествующей Божественной Полноте.

Y todos cuantos, vagan, De ti me van mil gracias refiriendo	И все, кто только встречаются мне Говорят мне о бесчисленных потоках Твоей благодати,
Y todos mas me llagan, Y déjame muriendo	И все они только еще больше меня ранят,
Un no sé qué que quedan balbucendo.	И то, что они неясно лепечут, заставляет меня умирать от томления.

Все, что есть в мире прекрасного, захватывающего, умиляющего и умиряющего душу, есть отображение Возлюбленного, есть напоминание о Нем:

«Мой Возлюбленный, это — горы», читаем дальше в том же «Cantico espiritual».

«Уединенные, поросшие лесами долины,
Таинственные, странные острова,
Звучание рек,
И шопот охваченных любовью ветерков.
Это — тихая ночь
Перед самым восходом зари,
Безмолвная музыка,
Звучное уединение,
Трапеза, что обновляет и исполняет любовью».

Так обращается Возлюбленный ко всей твари:

A las aves ligeras, Leones, ciervos, gamos saltadores,	Обращаюсь к вам, легкокрылые птицы, Львы, олени, скачущие серны,
---	--

Montes, valles, riberas, Aguas, aires, ardores Y miedos de las noches veladores.	Горы, долины и реки, Воды, ветры и порывы зноя,
--	--

Por las amenas liras Y canto de sirenas os con- juro, Que cesen vuestras iras. Y no toqueis al muro, Porque la esposa duerma mas seguro.	Заклинаю вас сладостным звуком лир И лением сирен — Да утихнет вся ваша ярость, Не прикасайтесь к стене, Чтобы сон Супруги не был на- рушен!
--	--

Супруга обращается к своему Возлюбленному с такими словами: «Давай услаждаться, о Возлюбленный, и пойдем созерцать Твою красоту — туда к горе и к холму, где вытекает чистый источник, уйдем поглубже в чашу леса...» Это — образ Невыразимого, встречи души с ее Царем и Владыкой.

И далее:

El aspirar del aine, El canto de la dulce filomena, El soto y su donaire En la noche serena Son Pama que consume y no da pena.	Трепет ветерка, Пение сладостного соловья, Роща и ее очарование, В ясную ночь суть пламя, Которое сжигает и не причиняет боли.
---	---

Но все это, так сказать, вырвано из своего контекста. Дело не в красотах природы, не в красоте вообще, а в том Последнем, Основном и Величайшем, что превосходит всякую красоту, ибо Оно само есть источник всякой красоты и всякой жизни.

Я повторяю: **трепет Невыразимого** пробегает через мистическую поэзию Juan de la Cruz. В этом ее смысл и ее религиозное оправдание; она как бы **уязвляет** душу, дает почувствовать — хотя бы смутно, хотя бы издали — то, что невыразимо словами.

2.

Для Juan de la Cruz характерен образ «темной ночи души» (la noche oscura del alma): должны замолкнуть все чувства,

все страсти, все стремления к душевным и даже духовным улаживаниям — душа должна предстать как бы обнаженной от всего тварного, в темноте и смиренности, пред лицо Божье.

En una noche oscura	В темную ночь
Con ansia de amores inflamada	Пылая жаром любви
— Oh dichosa ventura! —	— О счастье, о удача! —
Sali sin ser notada,	Я вышла из дому, незамеченной,
Estando ya mi casa sosegada.	Когда мой дом был объят уже покоем.

(В темноте, но уверенно,
По потайной лестнице, переодетой
— О счастье, о удача! —
В темноте и тайно (я вышла),
Когда мой дом объят был уже покоем).

Ночь души! Душа чувствует себя такой малой, такой ничтожной, такой ничего не стоящей, лишенной всего, даже своего высшего достояния — ощущения божественной близости. Она оставлена, или мнит себя оставленной; отмирают в ней ее эгоистическая самоустремленность, все ее своекорыстие, даже своекорыстные устремления к духовным радостям. Она иссохла как земля безводная, и смиряется в молчании и темноте неведения, под высокую руку Того, кто ее смиряет, она ждет и терпит, и смиряется и уповает. Это все, что ей остается: **уповать** в смиренности неведения и оставленности. В своем комментарии к стихам своим о Темной Ночи так пишет Juan de la Cruz: «В этих двух первых строфах изображается плод двоякого очищения духовного: чувственного и духовного состава человека...»

В первой строфе душа повествует о том способе и том пути какими она, поскольку это касается ее привязанностей, вышла из себя и из всех вещей, умирая для них и для себя самой, через истинное самоумерщвление, чтобы начать жить жизнью любви, сладостную и утешительную, в Боге. И говорит душа, что это выхождение ее из себя и из всех вещей было Темная Ночь, которая обозначает здесь очистительное созерцание, производящее в душе... отрицание себя самой и всех вещей *).

Здесь прекращается всякая эстетика, всякая радостная игра

*) Трактат: «Noche Oscura» («Темная Ночь»), Пролог (Prologo) — Книга 1-ая, вступление (declaracion).

образов. «Первое из этих очищений или Первая Ночь является горькой и страшной для наших чувств... Но Вторая Ночь без всякого сравнения ее превосходит: ибо она ужасающая и устрашающая для самого духа нашего» **). Здесь испытывается верность человека, здесь выковывается его преданность воле Божией, здесь воспитывается и подготавливается он к более совершенной и чистой любви. Ибо душа, чувствующая и мнящая себя оставленной, на самом деле не оставлена: **Он ведет ее** в темноте, среди ночи.

«Эта Темная Ночь есть воздействие Бога на душу, очищающее ее от ее неведения и от ее обычных недостатков, природных и духовных. Созерцатели называют это состояние тайно подаваемым (вливаемым в душу) созерцанием (contemplacion infusa) или мистическим богословием, в котором Бог тайно научает душу и ведет ее к совершенству любви (без того, чтобы она сама здесь что-либо делала или даже понимала, как действует в ней это «тайно вливаемое созерцание» ***).

В тишине и смиренности и чрез «темноту» этой очистительной Ночи зовет Бог к Себе, более того, ведет к Себе послушную и покорную, предавшуюся Ему душу. Ведет к единению с Собой в любви.

En la noche dichosa	В эту счастливую ночь,
En secreto que nadie me veia,	Втайне, так что никто меня не видел
Ni yo miraba cosa	И я не видела ничего,
Sin otra luz y guia	Без всякого путеводного светоча
Sino la que en el corazon ardia.	Кроме того, что горел в моем сердце,

Aquesta me guiaba,	Это он меня вел
Mas cierto que la luz del mediodia	Вернее, чем свет полудня,
A donde me esperaba	Туда, где меня ожидал
Quien yo bien me sabia	Тот, Кого я хорошо знала,
En parte donde nadie parecia.	В месте, где никого другого не было.

**) Книга 1, гл. 8.

**) Книга 2, гл. 5-ая.

Объединение души с Возлюбленным; перерождение души, ее переход от старого к новому, ее новая жизнь, ее прикосновение к Божественной Жизни — об этом, еще в большей степени, чем обо всем предыдущем, можно говорить только намеками, только образами. Значительность образов у Juan de la Cruz: в их насыщенности; вернее, за ними ощущаются явления высшего, просветленного, божественного мира. Эти образы «просвечивают», они светятся. О несказанном говорить нельзя. Лирически-музыкальный образ поэта-мистика есть та «*musica callada*» — «безмолвная музыка», которая говорит, не говоря, только указуя. «Ибо кто может описать то, что Он дает уразуметь душам, охваченным любовью, в которых Он обитает? И кто сможет выразить словами то, что Он дает им почувствовать? И то, наконец, что Он побуждает их возжелать?» *).

Но вот несколько образов этого единения души с Богом — взятых из двух самых знаменитых лирических поэм Juan'a:

Oh noche que guiaste!	О ночь, что вела меня!
Oh noche amable más que el alborada!	О ночь, более сладостная, чем утренняя заря!
Oh noche que juntaste Amado con amada, Amada en el Amado trasfor- mada!	О ночь, что объединила Возлюбленного с возлюбленной, Возлюбленной, преображенной в Возлюбленного своего!
Quedéme y olvidéme, El rostro recliné sobre el amado,	Я осталась и забылась, Лицо свое я склонила к Возлюб- ленному своему,
Cesó todo y dejéme Dejando mi cuidado, Entre las azucenas olvidado.	Все прекратилось для меня, и я сама покинула себя, Оставив все заботы свои Забытыми среди поля лилий.

Так это в поэме «*Noche Oscura*». И в поэме «*Cantico Espiritual*», мы имеем сходные образы:

*) «Porque, quién podrá escribir lo que a las almas amorosas, donde El mora, hace intender? Y quién podrá manifestar con palabras lo que las hace sentir? Y quién, finalmente lo que las hace desear?» — (трактат «*Cantico Espiritual*», Пролог).

En la interior bodega De mi amado bebi, y cuando salia Por toda aquesta vega, Ya casa no sabia Y el ganado perdi que antes seguia.	Во внутренней горнице моего Возлюбленного Я испила от Его вина, и когда я выходила оттуда, То на всем пространстве этого луга, Я уже ничего не знала, И я потеряла стадо, которое я стерегла раньше...
--	--

Mi alma se ha empleado Y todo mi candal en su ser- vicio, Ya no guardo ganado, Ni ya tengo otro oficio, Que ya solo en amar es mi ejercicio.	Моя душа посвятила себя, Равно как и все мое достояние, на служение Ему. Я уже больше не стерегу стада, И нет уже у меня других за- нятий, Так как вся деятельность моя те- перь — только любовь!
--	--

... dizeis que me he perdido; Que andando enamorada, Me hize perdidiza, y fui ga- nada!	Поэтому, если на лугу деревен- ском С сегодняшнего дня меня никто не увидит больше и не найдет, Скажите, что я затерялась, Что, исполненная любви, я поте- ряла себя И была обретена!
--	--

Утрата себя и обретение Бога, как Владыки и Господа, или вернее, обретение души Им и посвящение всей жизни Ему — новая жизнь.

4.

Язык лирических поэм Juan de la Cruz полон выразительной краткости и силы.

«Взгляни на подруг той, что увлекаема к далеким, неизвестным, таинственным островам».

... mira las companas
de la que va por insulas extranas.

Или вот — душа стремится «к прикосновению Искры, к благоуханному Вину — изливаниям божественного бальзама».

... al toque de centella,
al adobado vine,
emisiones de balsamo divino.

Или душа томится и жаждет увидеть очи Возлюбленного:

Oh cristalina fuente,	О кристалльный источник,
Si en esos tus semblan tes plateados	О если бы в твоём серебряном зеркале
Formastes de repente	Ты мог отобразить внезапно
Los ojos deseados	Желанные очи,
Que tengo en las eutranas dibujados!	Что начертаны в глубине сердца моего!

Все это красиво, все это чарует, все это захватывает красоту, уносит в глубины томления. Но больше: все это — слабые, смутно осязаемые намеки (смутно осязаемые, ибо «мудрость мистическая не требует ясного, теоретического познания себя, чтобы любовью охватить душу»*), намеки на то, что важнее всего.

И в этом — оправдание этой мистической поэзии. Некоторые (или даже, может быть, большинство) из ее читателей будут увлечены поэтической красотой образов и напряженно-вдохновенного языка. Но, может быть, через эти образы или даже несмотря на эти образы, их неожиданно коснется «жало» или «острие» любви божественной, или, что то же, томления по ней:

Per que, pues has llagado	Почему, раз Ты уже ранил (лю-
A questo corazon, no le sa-	бовью) это сердце,
naste?	Ты не излечил его?
	спрашивает душа.

Мистическая поэзия, мистические писания, говорящие о том, что **гораздо выше нашего уровня** (но и всякого уровня!), говорят однако о том, чем мы, даже в нынешнем нашем состоянии, в глубинах наших питаемся и живем. Мы живем томлением. Мистические свидетельства избранных и святых душ разжигают в нас — хотя бы на миг, хотя бы чрез призму образов или красоту трепетного, дрожащего слова — это томление по Единственному Источнику Жизни.

*) ...la sabiduria mistica non ha menester distintamente entenderse para hacer efedto de amor y aficion en el alma». («Cantico Espiritual» Prologo).

Мистика Juan'a de la Cruz христоцентрична. Это пробегает красной нитью через всю его жизнь, через все его мистические писания. Христос — источник его жизни, его вдохновения, единый предмет его устремления, его горячей любви, его безмерного жертвенного отдания себя в послушании, смирении и трепете. Он — Владыка его души, его мысли, его воли, всей его духовной жизни. «Живу уже не я, но живет во мне Христос» — эти слова апостола Павла предносятся, как высший идеал, как высшая норма и Juan'у de la Cruz. Это, конечно, — основной закон, основная норма всей христианской мистики вообще.

Вся Полнота Божественная раскрыта и раскрывается во Христе. «Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». «Я все почел за сор, чтобы приобрести Христа». И у Juan'a de la Cruz отказ от всего ради Христа, и потом, как непосредственно вытекающее отсюда следствие — преобразование во Христе всего мира и всей ткани жизненной. И это не только субъективное переживание праведников и мистиков: через подлинное пришествие Христа во плоти потоки благодати действительно вошли в мир, хотя бы в скрытом пока виде:

Mil gracias derramando	Изливая потоки благодати,
Paso par estos sotos con pressure,	Он поспешно прошел по этим ро- шам
Y yendo los mirando,	И, когда, проходя, Он взглянул
Con sola su figura	на них,
Vestidos los dejo de su her- mosura.	То через одно отображение лица Своего
	Он оставил их облеченными Сво- ей красотой.

Согласно комментарию Juan'a к этой строфе своей поэмы в словах «Paso con pressure» — «Поспешно прошел» — и следующих за ними, указывается и на творение мира Богом и на воплощение Сына Божия. «Одним только отблеском лица Своего Сына Он оставил их облеченными Своей красотой... это произошло, когда Сын Божий сделался человеком, возведя через то человека, а в нем и всю тварь к красоте Божественной».

Если основное содержание мистического опыта Juan'a de la Cruz — устремленность ко Христу и укорененность во Христе и отказ от всего, от всех благ мира и от всех услаждений душевных и даже духовных ради единого Христа и смиренной и тре-

петной близости к Нему, то одной из форм выражения этой мистики являются образы красоты природной, ощущения «шагов Возлюбленного» в творении. Все отвергается душой, все обесценивается ею, что не есть Он, а потом в Нем и через Него мир опять восстанавливается в своей ценности, или вернее, во Христе раскрывается начало преображения мира.

Николай Арсеньев.

Ч А Я Н И Я

Под радостное пенье детского хора двигался крестный ход вдоль опушки леса, по дороге окаймленной высоко растущими, дикими цветами. Их белые головки, перешептывались, низко кланялись иконам, которые несли дети, священникам в парадных облачениях, русским и американским гостям, съехавшимся на закладку нового храма во имя Спаса Преображения Господня. Церковь строится в деревне, верстах в двухстах на север от Нью-Йорка, на земле, купленной Свято-Серафимовским Фондом для летних лагерей. Храм строится небольшой, вроде часовни. На приготовленной для постройки площадке с трудом поместилось съехавшееся на закладку духовенство.

Совершал богослужение выдающийся православный священнослужитель, владыка Андрей, болгарский митрополит Америки и Канады, в сослужении с тремя русскими священниками. Инославное духовенство в службе не участвовало. Они только, после окончания молебна, произнесли приветствия. Говорил сосед, американский пастор, о. С. Шапель, немецкий студент-богослов, Оскар Лютцев, настоятель монастыря ордена Св. Креста, о. Леопольд Кроль. Манеры этого статного высокого человека, его белая монашеская ряса, вся его внушительная фигура, придавали ему сходство с доминиканцем. Но он не католик. Отец Леопольд принадлежит к американской епископальной церкви, от Рима очень далекой. На той же площадке, но несколько в стороне от других священников, стоял епископ старо-католиков, единственный не в облачении, а в длинной черной сутане, подпоясанный веревкой. На голове маленькая шапочка, вроде кардинальской, только красный цвет темнее, другого оттенка. Этот пожилой, приятно улыбающийся священник, никакого приветствия не произнес, только следил за всем с благожелательным любопытством. Точно еще не решил, где предел общению с Восточной Церковью? Рим держит старо-католиков под запретом. Они для Ри-

ма схизматики, как и православные. Это еще не резон для того, чтобы сближаться с православными.

Когда другие священники и некоторые миряне стали прикладывать свои подписи под грамотой, заложенной по обычаю в краеугольный камень, старо-католический епископ своей подписи к ней не приложил. Хотя в тексте никаких догматических положений не было, было только указано:

«Храм Преображения Господня строится объединенными трудами как православной, так и протестантской молодежью, стремящейся углубить духовные связи и братское понимание между христианами разных церквей».

Слова простые, сдержанные, но они отражают связь между маленькой группой русских православных людей, и многоголовым, влиятельным экуменическим движением, которое ставит себе целью сближение церквей или хотя бы отдельных верующих христиан, понимающих жизненность этого объединения. Оно связано со Всемирным Советом Церквей (World Council of Churches).

Среди планов, осуществленных, или только намеченных этой большой организацией есть и попытки сблизить религиозно настроенную молодежь, принадлежащую к разным христианским церквям. Устраиваются и экуменические лагеря добровольцев, где молодежь должна не только заниматься богословскими дискуссиями, но и исполнять практические хозяйственные рабочие задания. Еще в 1920 г. под Верденом был устроен первый такой трудовой лагерь, для восстановления зданий, разрушенных войной около Вердена. В этой работе принимали участие и французские и немецкие студенты. Потом это движение заглохло, а после второй войны возродилось. В 1948 г. было устроено два лагеря; к 1956 г. их уже было в разных концах света 43. В них сотрудничало около 1000 молодых людей и девушек. Задания им дают главным образом строительные. Христианам издавна предлагается оказывать ближнему хозяйственную помощь.

Маленькая трудовая дружина, строящая в американской глуши русскую церковь-часовню, как в капле воды отразила движение, происходящее сейчас во всех христианских странах. Сознание необходимости объединения всегда существовало, а интерес к православию, это явление сравнительно новое. В Англии он пробудился на моих глазах лет 30 тому назад. Отдельные мыслители и церковные деятели и раньше признавали необходимость общения. Но в середине XIX века это была скорее тема для кабинетных размышлений, для обмена мыслями среди немногих. Русская революция потрясла всех, кто привык думать, взды-

била ряд вопросов, включая и все что касается религии, церкви, веры и неверия. Мужество, проявленное исповедниками православия, в особенности духовенством, вызвали в Англии сочувствие и сознание христианской солидарности. В Лондоне было основано общество помощи духовенству в России, которое поддерживало священников и их семьи посылками и деньгами. Собирались деньги и для помощи нашей богословской академии в Париже. Наряду с насущными, материальными проявлениями дружбы начался и крайне существенный обмен мыслей, явилась потребность пристальнее взглянуть в православных братьев во Христе, больше узнать о догматике и истории русской церкви, о старчестве, об учителях православия. Многих привлекали и особенности православных обрядов, наше церковное убранство, его художественные особенности.

Недавно в С. Ш. появилась, хорошо изданная, подкупающая своей искренностью, небольшая книга «Встреча с русской церковью» с непереводаемым подзаголовком: «В царстве мерцающих свечей» *). Ее написала американка, Руфь Корпер. Она верная дочь своей американской епископальной церкви, что не мешало ей переживать в русской церкви минуты радостного молитвенного подъема. Ее удивило, что молящиеся приходят и уходят когда хотят, не все одновременно встают и садятся, одни крестятся реже, другие чаще. Вообще ведет себя каждый по-своему. Нет одновременности движений, как в католических и протестантских церквях. А молитвенность остается не нарушенной. Американка не могла следить за смыслом слов, но пенье, мелодичный ритм молитв, иконы, освященные мерцанием свечей, вся атмосфера наводила ее на важные и светлые мысли о том, как зарождается и крепнет в нас любовь к Спасителю и к ближнему. Голые стены американских церквей, их суровая простота ей привычна и мила. Но и перед православием душа ее раскрывалась. «Я искала в православной церкви веры, общей Востоку и Западу. Она существует хотя это еще мало кто сознает». В православии американка почувствовала родственную ей духовную гармонию и от всего сердца ее оценила.

В другой половине англо-саксонского мира, в Англии, сознание, что православие вносит свой вклад в духовную сокровищницу всего христианства, уже давно нашло свое выражение. История общения англикан с православными ждет своего летописца. Она характерна не только для обеих церквей, но для всей нашей эпохи великих исканий, потрясений и перемен. Есть, конечно,

*) The Candle Light Kingdom. By Ruth Korper. Ny, 1955.

люди, которые не знают, что такое душевная, тем более духовная тревога. Я пишу о тех, кто проснулся. Современникам, свидетелям, иногда даже участникам того, что происходит, бывает трудно определить **сущность** кипящего вокруг них исторического процесса. Они не успевают, часто не умеют отделить существенное от скоро преходящего. Особенно сейчас, когда все меняется — социальный уклад, политические и экономические отношения, подход к науке. А главное меняется психология толпы, отдельных людей и власти. А ведь будущее человечества зависит от того, какого склада людей вынудит нынешняя цивилизация, каким людям достанется власть над толпой.

Большая ответственность выпадает на долю религиозных людей. Своего рода воинская повинность. В текущем столетии антихристианские силы ведут яростное, по военному организованное наступление на церковь, на Бога, больше всего на Христа. Постепенно объединяются и верующие. Но они еще в стадии переклички. Это не мобилизация, только проверка сил и аргументов.

Завязавшиеся в 20-х годах встречи англикан с православными были одним из проявлений потребности если не сомкнуть ряды, то хотя бы обмениваться мыслями с христианами принадлежащими к другим церквям. Устраивались лекции, беседы, собрания, конференции, создано было Братство Св. Албания и Св. Сергия. В первом параграфе его устава говорится, что общество основано для взаимного осведомления и сотрудничества между верующими, принадлежащими к Западной и к Восточной церквям. «В особенности между англиканами и православными. Это братское общение для совместных молитв, для общей работы и взаимного изучения». Ежегодные конференции придали деятельности братства очень жизненный, теплый характер. Большинство русских участников приезжали в Великобританию с континента с помощью англичан, которые устраивали для этого особые сборы. Посещал их и глава Англиканской церкви, архиепископ Кэнтерберийский. Его участие не накладывало на конференцию официальной печати. Это были свободные встречи христиан, стремящихся лучше понять друг друга. Характер конференции определялся тем, что в них с обеих сторон, принимали участие люди большого духовного опыта, религиозно одаренные.

Русским помогали понять религиозную психологию англикан три выдающихся богослова: епископ Гор, епископ Трурский — д-р Вальтер Фрэри, и о. Файнс Клинтон, своеобразный миссионер в Лондонских дебрях. Епископ Гор одно время возглавлял богатейшую Оксфордскую епархию. Мудрый и смиренный

служитель Христа, он меньше всего хотел быть князем церкви и отказался от Оксфордской епархии. Но церковную деятельность не покинул. Один из первых проявил он братское внимание к гонимой русской церкви, склонился перед ее испытаниями. С амвона нашей церкви Св. Филиппа в Лондоне, говорил он о том, как кровь мучеников омывает и укрепляет церковь. Он признался, что ему иногда бывает трудно не завидовать православной церкви, дух которой закаляется в страданиях. Епископ Гор проявил исключительную отзывчивость к русской трагедии. Когда, после поражения Врангеля 130.000 русских очутились в Константинополе, он охотно согласился войти в только что основанные в Лондоне комитеты помощи эмигрантам. Его имя придало комитету авторитет, а сотрудников его ободрило.

Другим постоянным участником конференций и одухотворенным толкователем особенностей англиканской церкви, был епископ Трурский, д-р Вальтер Фрэри. Этот ученый богослов щедро делился с православной молодежью своими обширными знаниями. Какую блестящую речь произнес он в ответ на вопрос русских, что такое англиканская церковь, какую тонкую и остроумную характеристику набросал он, изображая особенности англиканской церкви, ее сложной, скрепленной традициями, структуры. Говорил он с тем завидным юмором, без которого просвещенный англиканин не может обходиться. Этот мягкий юмор служил отличным аккомпаниментом к его изложению разнообразных оттенков религиозного сознания в его родной англиканской церкви, в которой протестантский рационализм так называемой **Low Church** соприкасается с более мистическими настроениями **High Church**. Эта верхняя церковь, к которой принадлежал и д-р Вальтер Фрэри, к православию ближе, чем нижняя церковь. Она допускает почитание икон, поклонение Божьей Матери и святым.

На конференциях Св. Албания и Св. Сергия и русская церковь была представлена авторитетными церковными деятелями, мыслителями, молитвенниками. В них часто принимал участие Митрополит Евлогий, всегда приветливый, полный жизнерадостной доброты и своеобразной, веселой мудрости. У него был свой, русский юмор, тонкий, никого не задевающий и все-таки поучительный.

Горячее участие в общении с англиканами принимал о. Сергей Булгаков. Приезжал на них и другой отец Сергей, Четвериков... Когда о. Сергей Булгаков получил первое приглашение приехать в Лондон для встречи с англиканами, он очень колебался ехать или не ехать. Он написал мне, что между православием и протестантизмом существует большая пропасть, а он ни на ка-

кие уступки пойти не может. Мы еще в Петербурге знали его, как члена Государственной Думы. Мой муж, д-р Гарольд Вильямс, сочувствовал и всегда старался содействовать сближению между русскими и англичанами. Сотрудничеству отца Сергия он придавал большое значение, был уверен, что в трудное начинание он внесет большой вклад и пригласил отца Сергия просто — приезжайте к нам, а там видно будет.

Отец Сергей так и сделал. Он приехал и остановился у нас. Мой муж помог ему осмотреться в Англии, и с тех пор о. Сергей стал одним из вдохновителей духовного общения между православными и англиканами. О. С. Булгаков не поленился изучить английский язык, что в известном возрасте требует немало усилий и получил возможность понимать англичан, а они могли оценить оригинальность мышления и пламенность веры этого замечательного русского священника.

И духовную просветленность о. Сергия Четверикова англичане почувствовали, хотя английского языка он совсем не знал. Его выручала усердная молодая участница конференции, София Шидловская (теперь Куломзина). Отличная переводчица, она усаживалась рядом с о. Сергием, и переводила ему и английские речи и обращенные к нему вопросы англичан. Мне особенно запомнился разговор о старчестве. Повидимому, им кто-то сказал, что о. Сергей его изучал. О. Сергей Четвериков был человек тихий, немногословный, но слова его отражали подлинные чувства и мысли. Несмотря на колючую проволоку разноязычия, его слушатели это сразу поняли. После первой же беседы они, в особенности англиканские студенты богословы, окружили его почтением и вниманием.

Очень ценной чертой конференций были их искренность и простота. В них сказывалось желание не столько спорить о разногласиях, сколько искать общности, подходить к инаковерующим не как к носителям окаменевших правил, а как к отдельным личностям, у которых были свои религиозные трудности и радости. Эти небольшие съезды происходили в деревенской усадьбе, которую богатый английский банкир завещал для собраний, посвященных религиозным проблемам. В уютно-деревенской обстановке легче устанавливалось товарищеское общение между людьми, которые еще вчера друг друга не знали, а тут свободно высказывали свои заветные мысли, свою тревогу за разрозненность христианского мира. Она все растет, все увеличивается число людей, отдающих себе отчет в том, что прилив неверия еще бушует. Но дело не в их количестве, а в подлинности их христианского восприятия мира, в их готовности бороться за вечную

Истину и радоваться ей. На конференциях к этой творческой радости призывали и церковные службы. Каждое утро в маленькой церкви совершалась литургия, один день англиканская, другой день православная. Церковь была украшена православными иконами, которые русские привозили с собой. Я не люблю злоупотреблять словом соборность, но я не могу забыть, как эти совместные молитвы освежали душу, как они всю конференцию освещали внутренним светом.

Чаяния христиан, что когда-нибудь все верующие объединятся во едино — явление не новое. Эти чаяния в России имеют свою историю. В прошлом веке два блестящих русских мыслителя написали много ярких страниц о будущей вселенской церкви. Каждый из них по-своему представлял себе грядущее воссоединение церковей. Хомяков оглядывался назад на историю раскола между Восточным и Западным христианством и хотел, чтобы папство свои ошибки признало. Соловьев, одержимый пророческим страхом перед теми испытаниями, которые, согласно его предчувствиям ожидали нашу церковь, уже слышал гул темных полчищ, надвигающихся на христианство. В «Трех разговорах» он дал картину испытаний, надвигающихся на человечество. В ней есть подробности, которые в то мирное время, когда он их писал, могли казаться театральными, Гром, молния, пламя, могучие маги, все это звучало сказочно. Но Соловьев опасность ощутил и обрисовал реальнее, чем Хомяков. В тревоге Соловьева больше трезвости, чем в полемических выпадах Хомякова. Соловьев считал, что соединение церковей произойдет не по воле руководителей, что оно неизбежно, как боевое сплочение против Антихриста. С тех пор как он писал «Три разговора», много страшных уроков получило человечество и призыв к объединению раздается все чаще, все настойчивее. Все же сознание христианской солидарности, стремление воплотить ее в жизнь, еще не вонзилось в сердца верующих, как вонзилась в сердца подлинных коммунистов жгучая ярость против Бога, потребность бороться с ним. Коммунисты образуют регулярные боевые отряды безбожников, воспитывают в них ненависть к Спасителю. Людям усталым и малодушным может даже показаться, что коммунистические громкоговорители заглушают молитвенные голоса верующих. Это — вредное преувеличение вражеских сил.

Измерить динамичность нынешней религиозной тревоги очень трудно. Но нет сомнения, что на наших глазах растет влечение к широкому христианскому общению, к громогласному исповеданию веры. Еще недавно была мода на сухой, беспросветный материализм. Теперь не только в церковных и экуменических кру-

гах, но и на ученых съездах раздаются заявления видных ученых, что только невежды могут отрицать Божественное происхождение человека и всего мира. А еще не так давно, профессор одного из больших университетов Нью-Йорка говорил мне, что в академической среде упоминать о Боге можно было только с усмешкой. Теперь слышатся другие веяния.

Митрополит Евлогий, который считал объединение церковей необходимым и неизбежным, рассказал мне об одной замечательной встрече. В конце 20-х или начале 30-х годов его посетил католический епископ. Он только что был выпущен из Соловков и привез митрополиту привет от заключенных в лагере архиереев. Католический епископ рассказывал о их жизни в лагере, не столько о их испытаниях и страданиях, сколько о высоком духовном подъеме, который они там переживали.

— Мы не знали церковных разделений. Мы все вместе молились. Ведь разделения это только здесь, на земле, а там, — передавая эти слова своего гостя, митрополит поднял обе руки над головой — там, в небесах сияет одна Христова Церковь и все мы дети ее.

Перед прощаньем оба стали на колени и вместе помолились перед православными иконами, наполнявшими киот в келье митрополита Евлогия.

Ариадна Тыркова-Вильямс.

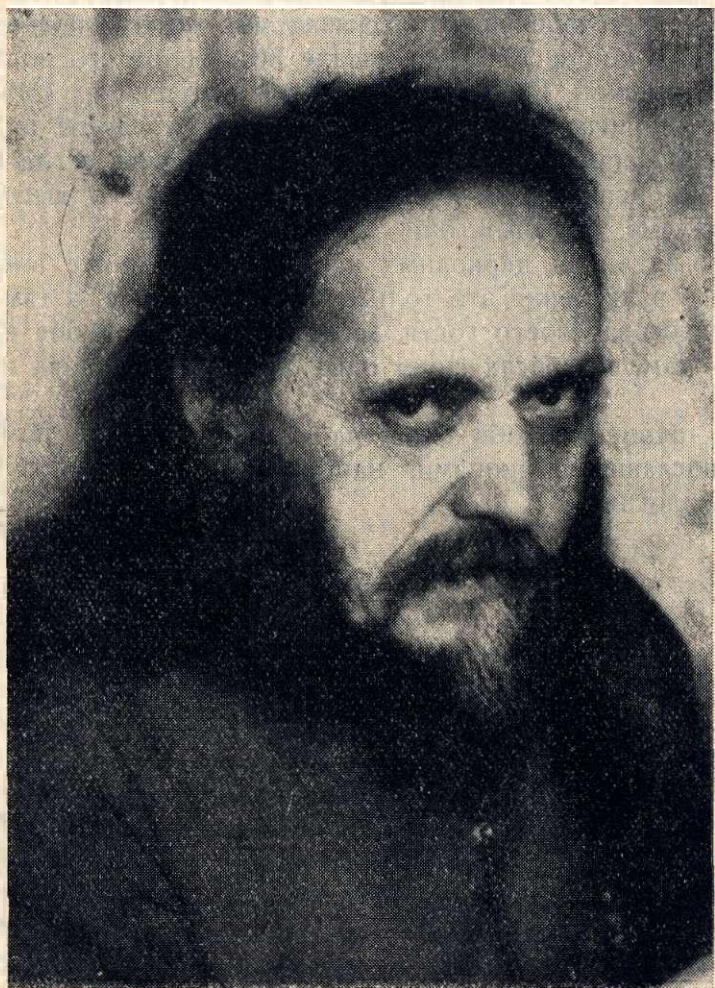
ПАМЯТИ О. СЕРГИЯ ЧЕТВЕРИКОВА

К 10-летию со дня кончины

29-го апреля этого года исполнилось 10 лет со дня смерти о. Сергия Четверикова, который с 1928 г. по день смерти был духовным руководителем Движения, его настоящим «старцем». В своем первом письме к Движению, после его назначения священником Движения, о. Сергей так определял свою задачу: «Я буду, писал он, жить с Движением одной жизнью, работать, молиться с ним, теснее связывать Движение с Церковью». О. Сергей выполнял эту программу с такой любовью, с такой сердечностью, что члены Движения учились у него тому, как можно служить Церкви через Движение. Оттого жизнь о. Сергия нельзя рассказывать, не выдвигая на первый план тот расцвет его пастырской работы, который связан был с его Деятельностью в Движении. Сама личность о. Сергия, хотя вполне сложилась до его назначения священником Движения, обрела в его работе в Движении но-

вый источник вдохновения, новые темы творчества. Достаточно просмотреть обзор того, что написал за свою жизнь о. Сергей, чтобы увидеть, как окрепло и выросло писательское дарование у о. Сергия за время его работы в Движении.

За год до кончины о. Сергия исполнилось пятьдесят лет его священства. Откликаясь на приветствия и на устройство в Пари-

Прот. Сергей Четвериков
(1867 г. — 1947 г.).

же большого собрания, посвященного пятидесятилетию священства о. Сергия, он написал большое письмо Движению (оно было напечатано в № 8 «Вестника Церковной Жизни», под редак-

цией Л. А. Зандера). Мы приводим значительную часть этого письма, в котором читатель найдет автобиографию о. Сергия и его воспоминания о работе в Движении.

Да не заглохнет в Движении и его молодом поколении память об о. Сергии, да будет его светлый образ руководящим для нас во всех трудных для Движения испытаниях!

Вечная память незабвенному и дорогому нам всем о. Сергию.

В. З.

МОЙ ОТКЛИК

Как я сделался православным пастырем и о моем пастырстве в Русском Студенческом Христианском Движении.

(Ко дню 50-летия моего священства).

Узнав, что мои братья-сопастыри и мои духовные друзья и чада хотят устроить собрание по поводу исполнившегося 50-летия моего священства, хотят собраться для общей молитвы о моем достоинстве и друг о друге, я очень обрадовался, и мне хочется, хотя и заочно, откликнуться на это молитвенное собрание и, вместе с моими друзьями и любящими меня пережить этот достопамятный для меня юбилей.

С высоты 50 лет моего священства открывается передо мною весь пройденный путь моего священства. И не только путь священства, но и тот путь, которым я пришел к священству, не принадлежа по происхождению к духовному званию.

Я происхожу из небогатой и глубоко религиозной купеческой семьи маленького уездного города. И вот, мне вспоминается неизгладимая картина. Моя мать лежит в гробу в нашем маленьком домике, крытом соломой, из трех маленьких комнат. Гроб ее стоит в святом углу, под иконами, и окружен толпой плачущих женщин. Я, двухлетний ребенок, на руках какой-то женщины, вижу в гробу лежащую фигуру матери и понимаю, что это мать, но почему она лежит на столе в гробу — не понимаю.

С тех пор, образ моей умершей матери для меня навсегда ассоциировался с образом Богоматери, а образ Иисуса Христа — с образом моего младшего брата, от родов которого скончалась моя мать, который и сам скоро умер.

Вспоминается и другой момент в том же маленьком доме. Масса веселых гостей. Молодая, красивая, нарядная дама входит со двора в комнату, подходит ко мне и с приветливой улыбкой

протягивает мне большое, красивое яблоко. Я отворачиваюсь от нее и прячусь за сундук.

Прекрасная дама, подарившая мне яблоко, оказалась моей мачехой, с которой мы потом были очень дружны, на коленях которой я засыпал за чайным столом, которая возилась со мною в моих частых болезнях и стала для меня почти родною матерью. Отец научил меня молиться, любить церковь и церковное пение. Благодаря отцу церковь и праздники, особенно Рождество и Пасха, занимали в нашей жизни центральное место, явились ее главным содержанием и воспитывающим элементом. Каждую субботу я ходил с отцом ко всеобщей и полюбил церковное пение. Без наставлений и поучений церковь овладела моею душою.

Старшая сестра научила меня в свое время читать и писать. Старушка хозяйка, у которой мы жили потом на квартире, приучила меня читать ей и любить «Родное Слово» Ушинского. Рождественские Святки и Пасха проходили радостно и весело. Христославы принимались с любовью и приветливо, награждались щедро и были любимым и единственным рождественским развлечением.

7-ми лет меня отдали в школу к старому Николаевскому солдату — Павлу Даниловичу. 9-ти лет отдали в подготовительный класс Духовного Училища не потому, что хотели сделать из меня священника, а потому что другой школы в нашем городе тогда не было.

Когда через три года у нас открылась прогимназия, меня приняли туда без экзамена во 2-ой класс. Учитель подготовительного класса навсегда остался в моей памяти любимым учителем. Он весь отдавался работе с нами. У него была прекрасно подобранная классная библиотека, и он руководил нашим чтением. Его странностью было то, что он курил в классе.

Начавшаяся русско-турецкая война захватила все наше внимание. Мы все были большие патриоты и славянофилы. Император Александр II был нашим кумиром. Генералы Гурко, Скобелев и другие приводили нас в восторг. Мы провожали на фронт уходящие из нашего города партии солдат, носили подарки раненым — кисеты с табаком и папиросы, смотрели на пленных турок, которых наши базарные торговки жалостливо кормили хлебом и арбузами.

Из училища я ушел без сожаления, но с некоторыми преподавателями сохранил связь на всю жизнь, и они приезжали ко мне в гости, когда я был уже протоиереем. После бурсы, учение в прогимназии показалось мне легким и веселым. Из преподавате-

лей нам повезло особенно на преподавателей математики, интересных и талантливых.

Наступил жуткий 81 год. Я был в 3-м классе. В воскресенье 1-го марта, часа в 4, приходит гимназический сторож. Плачет. Что такое? Царя убили в Петербурге. Как, Царя, Освободителя крестьян и славян? Бегу в собор, который был рядом с нашей квартирой. Собор переполнен народом. Плачут. Протоиерей говорит проповедь и сам плачет. Жутко стало. Гимназисты стоят на своем месте. Тою же осенью в гимназии был литературный вечер, посвященный Царю-Освободителю. Меня назначили читать перед портретом Императора вступительное стихотворение из какой-то газеты, посвященное убитому Императору.

В следующем году я окончил прогимназию. На акте мне подарили собрание сочинений Лермонтова. Первому ученику подарили собрание сочинений Пушкина. Лермонтова я очень полюбил и крепко сроднился с ним. Но он мне принес больше вреда, чем пользы, что особенно сказало уже в старших классах гимназии: 6-м, 7-м, 8-м. Я всегда очень много читал. До 10 лет любил читать жития святых. Потом полюбил сочинения Фенимора Купера, Густава Эмара, Майн-Рида и др. В старших классах свободного времени было уже меньше, и читал меньше. Из иностранных писателей любил Диккенса, Шпильгагена, Гюго; из русских — перечитал всех классиков — Пушкина, Гоголя, Тургенева, и второстепенных — Лажечникова, Мордовцева, Островского и др. Любил читать народников — Глеба Успенского, Засодимского, Златовратского, Левитова, Помяловского и т. д. Читал журналы — «Отечественные Записки», «Дело» и др. И всего не вспомнишь.

Лермонтова я очень любил, но он принес мне и много зла. Он испортил мою душу. И я с трудом избавился потом от того, что он вложил в нее. В Таганроге я пережил самые тяжелые годы моей жизни, во мне угасла вера, утратилась душевная и телесная чистота. Поддержки ни откуда не было. Я стал оживать и возрождаться только с 7-го класса гимназии, когда начались мои летние поездки в Крым к моей замужней сестре. Туда же приезжали две молодые девушки, учительницы, с которыми я познакомился и очень подружился. Своею чистотою и своею дружбою они согрели и очистили мою душу. Ничего романтического между нами не было. Мы катались на лодке, гуляли по окрестностям Севастополя, ходили по шоссе вдоль южного берега до Ялты... Эта чистая дружба, продолжавшаяся несколько лет, оживила, очистила, согрела и воскресила мою душу. Таганрогские пережи-

вания забылись, умерли, началась новая, чистая, светлая, духовная жизнь.

Толстой прошел мимо моей души, не задев ее, хотя я и перечитал все его запрещенные книги. Его психология не соответствовала моему духовному складу. Я склонен был не к рассудочной жизни, а к жизни чувства и духа. Когда после нашего путешествия в Киев и в Крым, мы вернулись в Москву, я почувствовал, что мне нужно предпринять какой-то решительный шаг, иначе я дойду до Хитрова Рынка, убежища московской голытьбы, среди которой много было «товарищей-студентов», горьких пьяниц... И я решил поехать в Сергиеву Лавру, посоветоваться с молодым, новым ректором Духовной Академии, архимандритом Антонием, слава которого уже гремела по Москве, и статьи которого о Толстом и Соловьеве уже были мне известны. Он сразу же пленил меня своею простотою и теплотою и светлым сияющим лицом. Беседа наша продолжалась часа два. Он посоветовал мне переходить в Академию и продолжать образование, но не уходить «в жизнь», снабдил меня книгами и велел в следующем году приезжать в августе на приемный экзамен в Академию.

Всю зиму и лето я усердно занимался. В августе на экзамен съехалось 80 человек, лучших питомцев Семинарий, прекрасно подготовленных; приехал и я со своей домашней подготовкой. Из 80 человек, только 30 первых выдержавших экзамен могли рассчитывать на казенное содержание. Я выдержал экзамен 30-м по списку и был принят на стипендию преп. Сергия. Таковых Лаврских стипендий было в Академии четыре, по одной на каждом курсе.

Я окончил Московскую Духовную Академию стипендиатом преп. Сергия. В том году на Академическом акте читал свою знаменитую речь о преп. Сергии профессор Академии и Университета В. О. Ключевский. Я слушал эту потрясающую речь, и она указала мне программу моей новой жизни. С поступлением в Духовную Академию окончился период моих блужданий. Я нашел свой путь и успокоился.

Слушая лекции профессоров, я, вместе с тем, время проводил и среди толпы богомольцев со всех концов России, — в Троицком Соборе у мощей преподобного Сергия и преп. Никона, в часовне на месте келии преподобного, где ему являлась Божия Матерь и где каждую пятницу в два часа ночи, в память этого моления служился молебен Божией Матери с акафистом при пении полного хора Лаврских певчих; в Гефсиманском Скиту у духовника, старца Германа; в скиту Черниговской Божией Матери у

духовника, старца Варнавы, который был и моим духовником. Я вступил в новую жизнь, радостную и мирную, и полную научного богословского труда, которая совершенно захватила мою душу и вполне меня удовлетворила. Ко мне вернулись чувства и свежесть моего детства.

Через четыре года я окончил курс в Академии и тотчас же сделался священником в Крестовоздвиженском Трудовом Братстве, возникшем при сельско-хозяйственных школах, мужской и женской, основанных Черниговским помещиком Ник. Ник. Неплюевым.

Следующим местом моего пастырства была знаменитая Пятницкая Церковь 12 века в Чернигове, а затем началось мое законоучительство в Саратовской Второй Гимназии, в Саратовском Епархиальном Училище и в Полтавском Петровском Кадетском Корпусе, где оно продолжалось 12 лет до эвакуации из России вместе с Корпусом в 1919 году.

В эмиграции я был некоторое время еще законоучителем в корпусе, но по нервному расстройству оставил законоучительство и перешел на сербский сельский приход, затем в Братиславу, где и положил основание Братиславскому Крестовоздвиженскому приходу.

Через 4 года я был перемещен Митрополитом Евлогием в Париж священником Русского Студенческого Христианского Движения и основал там Движенскую церковь во имя Введения во Храм Божией Матери. Наступили лучшие годы моего эмигрантского пастырства, и продолжались они 10 лет. О них нельзя говорить кратко. До такой степени они были полны глубокого содержания, так много давали мне глубоких и трогательных переживаний, как в Париже, так и на летних съездах во всех концах Европы — от Франции до Финляндии, на юге и на севере. У меня образовались огромные духовные связи как с молодежью, так и со взрослыми членами Движения, огромная переписка. Наступившие 10 лет были лучшими годами не только моей эмигрантской, но и всей моей 50-летней пастырской жизни. Центром этой жизни и деятельности был Париж, органами ее были съезды и отчасти лагеря, путями — огромная переписка. Я не понимаю, почему все так сложилось, но такова, значит, была воля Божия. Особенное и главное место во всех этих связях, встречах и общении принадлежало молитве, исповеди, причащению Св. Тайн, и, затем, переписке. Чувствовалось, что мы все носим молитвенно друг друга в своих сердцах. И ничего в этом не было искусственного, напускного, притворного. Была естественная духовная молитвенная общая жизнь со Христом, вполне искренняя, с от-

сутствием всякого притворства и ханжества, по крайней мере, так я ее воспринимал. Эта наша 10-летняя молитвенная жизнь во Христе была истинною милостью к нам Божию — по крайней мере, так я ее воспринимал. И Бог давал мне силы выдерживать ее. Слава Богу за все.

... Расставаясь со всеми вами, и взрослыми, и юными, с любовью и молитвою призываю на вас благословение Божие, который давал мне силы носить вас в сердце своем, как некогда Он давал силы Моисею носить в сердце Своем народ Израильский. Конечно, я не претендую на заслуги Моисея, но частичка Моисеева духа была во мне, усиливаясь и укрепляясь единением и молитвою с другими работниками Русского Студенческого Христианского Движения. Я не обвиняю себя за то, что не могу больше работать с Вами. Я благодарю Бога за то, что Он дал мне пережить с Вами, благодарю и тех, кто призвал меня к этой работе и благословил меня на нее. Вечная память блаженно почившему митрополиту Евлогию, с любовью благословлявшему наш труд и собрания и принимавшему в них живое участие. Вечная память почившим в Господе членам нашего Движения, молодым и старым, одинаково горевшим любовью к нашему святому делу. Центром, средоточием всей нашей молитвенной братской жизни была и да будет молитвенная память о Господе нашем Иисусе Христе, о Пречистой Богородице и Приснодеве Марии и о всех верных участниках нашей молитвенной братской жизни. Да будет эта память жить в сердцах наших, согревать и одушевлять их до самого момента радостной нашей встречи в ином мире у ног нашего Спасителя и Его Пречистой Матери! Будем молиться друг за друга! И за наших усопших братьев и сестер!

Протоиерей Сергей Четвериков.

1946 г. 10/23 XII.
Братислава. Чехословакия.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ О. С. ЧЕТВЕРИКОВЕ.

Въ ожидании более подробной биографии о. Сергия и библиографии его трудов, сообщаем те данные, которыми мы располагаем в настоящий момент:

Сергей Иванович Четвериков родился 12 июня 1867 года.
Окончил Московскую Духовную Академию в 1896 году.
Рукоположен Епископом Антонием в диакона — 14 июля 1896 г.
» » иерея — 21 июля 1896 г.
Назначен настоятелем Крестовоздвиженской церкви Трудового Пра-

вославного Братства (Неплюевского) в Глуховском уезде, Черниговской губернии в 1898 г.

Назначен настоятелем Параскевтевской Церкви в г. Чернигове в 1898 г.

Законоучитель Образцовой школы при Женском Епархиальном Училище — 1898—1900 г.г.

» Саратовской 2-й гимназии — 1901 г.

» Петровского Полтавского корпуса — 1907 г.

Председатель братства законоучителей — 1911 г.

Товарищ Председателя Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве — в 1917 г.

Эвакуация с Полтавским корпусом (через Владикавказ, Кутаис, Боржом, Батум, Крым в Константинополь) — в 1920 г.

Настоятель прихода в сербской деревне Лика (между Боснией и Хорватией): 1920—1923 г.г.

Настоятель прихода в Братиславе — 1923—1928 г.г.

Священник Р.С.Х.Д. — с 1928 г.

Кончина (в Братиславе) — 29 апреля 1947 года.

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ ТРУДОВ О. СЕРГИЯ.

Книги:

Жизнеописание старца Амвросия Оптинского. Издание Оптиной Пустыни.

Жизнеописание старца Паисия Величковского. Полный текст по-румынски. Сокращенный перевод на русском языке.

Оптина Пустынь (исторический очерк и личные воспоминания). Париж. YMCA-Press, стр. 185.

Сборник о Молитве Иисусовой. Издание Валаамского монастыря.

Великим Постом. Париж, 1926. YMCA-Press, стр. 63.

Путь чистоты (из бесед пастыря законоучителя). Париж, 1929. YMCA-Press, стр. 39.

Статьи (общего содержания):

Из истории русского старчества (Паисий Величковский). Путь № 1 (1925).

Путь умного делания и духовного трезвения (Паисий Величковский). Путь № 3. (1926).

Из истории русского старчества, об умной молитве. Путь, № 7. (1927).

Евхаристия, как средоточие христианской жизни. Путь, № 22. (1930).

О трудностях религиозной жизни в детстве и юношестве. Путь, № 34. (1932).

Открытое письмо Н. А. Бердяеву по поводу его книги «Судьба человека в современном мире». Путь, № 46. (1935).

О мировом зле и спасающей Церкви (по поводу статьи Н. А. Бердяева). Путь, № 48. (1935).

Открытое письмо Н. А. Бердяеву. Путь, № 50. (1936).

О внутренних препятствиях на пути к Евангелию. Вестник Р.С.Х.Д. 1927. №№ 1, 2, 3, 5.

Теософия и Христианство. Вестник Р.С.Х.Д. 1927. № 10.

Христианство, как рождение новой жизни. Вестник Р.С.Х.Д. 1928.

№ 2.

Два юбилея (Л. Толстой и о. Иоанн Кронштадтский). Вестник Р.С.Х.Д. 1928. № 10.

- Мысли и жизнь русских старцев. Вестник Р.С.Х.Д. 1929. № 1-2.
 Христос Воскресе. Вестник Р.С.Х.Д. 1929. № 5.
 Св. Дмитрий Ростовский. Вестник Р.С.Х.Д. 1929. № 6.
 Новый Год и Церковь. Вестник Р.С.Х.Д. 1930. № 1.
 О месте Ветхого Завета в Христианстве. Вестник Р.С.Х.Д. 1930. № 5.
 Экуменизм и единство Церкви. Вестник Р.С.Х.Д. 1930. № 7.
 Над Евангелием. Вестник Р.С.Х.Д. 1930 г. №№ 11 и 12, 1931 г.
 №№ 1, 2.
 Православный Пастырь и Русская молодежь. Вестник Р.С.Х.Д. 1931,
 № 8.
 Пасха в Сарове. Вестник Р.С.Х.Д. 1933, № 2.
 Несколько слов по поводу заметки (Митрополита Антония) «Когда
 это кончится». Вестник Р.С.Х.Д. 1934, № 2.
 Религиозно-христианское мирозерцание, как основание челове-
 ской жизни и культуры. Вестник Р.С.Х.Д. 1935, №№ 1, 2.
 Во дни юности. Вестник Р.С.Х.Д., 1935, № 8-11.

Статьи (о Р.С.Х.Д.). Напечатанные в Вестнике Р.С.Х.Д.

- Письмо русским студентам, участникам Христианского Движения.
 1926, № 3.
 После съезда. 1927, № 11.
 Р.С.Х.Д. и Россия 1927, № 12.
 Задачи Движения 1928, № 5.
 Работа Движения, как служение Церкви и Родине. 1928. № 11.
 Содружество в Движении. 1929, № 11.
 Пути Содружества в Движении. 1929, № 12.
 Что такое Содружество и чем оно хочет быть. 1930, № 10.
 Что такое церковность и церковно ли Движение. 1932, № 6-7.
 Еще несколько слов о миссии Р.С.Х.Д. в Православной Церкви. 1933,
 № 1.
 Несколько слов по поводу моего назначения священником Р.С.Х.Д.
 1928, № 9.
 Из Болгарских впечатлений. 1929, № 1-2.
 Наши недочеты. 1929, № 4.
 Заметки о Движении. 1929, № 8-9.
 Праздник Движения, 1930, № 12.
 После Съезда. 1932, № 8-9.
 Два мира. 1930, № 3.
 Р.С.Х.Д. в его прошлом и настоящем. Доклад 3-ему Епархиальному
 Съезду Духовенства и Мирян Западно-Европейской Православной рус-
 ской Епархии. (Литограф. издание, стр. 22).

Статьи педагогические:

- К вопросу о религиозном воспитании и образовании заграничной
 русской молодежи. (Под редакц. прот. Четверикова). Париж, 1928, стр. 59.
 О религиозных запросах детей и подростков. Вопросы религиозно-
 го воспитания и образования. Вып. 1. Париж, 1927.
 О христианской семье. Вопросы религиозного воспитания и образо-
 вания. Вып. III, Париж, 1928.
 Неотложная задача русской зарубежной церкви. Бюлл. Ред.-Педаг.
 Кабинета, № 1.
 Церковно-приходские союзы родителей. Бюлл. Ред.-Педаг. Кабинета.
 № 2.

Педагогическая работа с девочками и девушками в Румынии. Бюлл.
 Ред.-Педаг. Кабинета, № 3.
 По поводу статьи «О Движении». Бюлл. Ред.-Педаг. Кабинета № 13.

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УГАНДЕ.

С настоящего номера «ВЕСТНИК» ставит себе задачей, осведомлять
 читателей о миссионерской деятельности православных церквей. Попутно
 мы надеемся в скором времени дать несколько очерков из истории пра-
 вославной миссии 19 и 20 вв. В силу исторических обстоятельств — в
 первую очередь порабощения России (коммунистической властью) из ко-
 торой исходили все миссии до Революции, православная миссионерская
 деятельность очень ограничена. Слабые, но живые еще очаги право-
 славной миссии, среди язычников держатся почти исключительно Божьим
 чудом (так, недавнее и неожиданное возрождение православной миссии
 в Японии). Но, одновременно, в связи с рассеянием сотен тысяч право-
 славных, вызванным событиями последних 40 лет, появился в самых раз-
 личных странах огромный интерес к православию. Этот факт открыв-
 ает новые пути для православной миссии. Настоящий очерк посвящен
 несколько необычному явлению в истории распространения Православ-
 ной веры, а именно **самозарождению** в глуши центральной Африки не-
 большой, но подлинной православной Церкви.

Вероятно немногие из читателей, без помощи словаря или атласа,
 смогли бы сказать в какой части света находится страна Уганда. Уганда
 — негрское государство в Экваториальной Восточной Африке, под англий-
 ским протекторатом, провозглашенным в 1894 г.; на севере оно граничит
 с Суданом, на востоке с Кенией и с Эфиопией, на западе с Бельгийским
 Конго, на юге с Танганьикой. Пространство всего протектората: 285.000 кв.
 км. Общая численность населения около 3 миллионов; из них 1 милл.
 принадлежит к интеллигентному, цивилизованному племени ВАГАНДА,
 принявшему христианство от английских и французских миссионеров.
 Местность очень гористая. Поверхность покрыта или травой или густым
 лесом. Флора богатейшая в Африке, как и фауна. Климат, несмотря на
 большую сырость, относительно здоровый; малярия бывает не часто.
 Средняя годовая температура 21° 4, знойные жары редки (максимум
 34° 5); по ночам жар спадает до 12°. И вот в этой экваториальной афри-
 канской стране, находящейся в семи тысячах километрах от ближайшего
 крупного православного центра, сама собой, без малейшего участия пра-
 вославных миссионеров, зародилась самобытная, признанная Алек-
 сандрийским Патриархом, негритянская православная Церковь. История
 этого самозарождения такова:

Лет тридцать тому назад двое туземцев Рейбен Спартас Севанья
 Мукаса и Овадьа Кабанда Басажакиало, получившие высшее бого-
 словское образование в местных английских колледжах, из изучения цер-
 ковной истории пришли к выводу, что все церкви находятся в заблужде-
 нии, за исключением Православной. Однако они не знали как и где войти
 в контакт с православными и вступили в переписку с американскими
 неграми, основавшими «Православную» Африканскую Церковь. Эта цер-

ковь на самом деле была не православной, а на половину католической, на половину англиканской и имела своего самостоятельного «патриарха»*). В 1931 г. в Уганду прибыл представитель этого патриарха, «архиепископ» Даниил Уильям Александер и рукоположил выше упомянутых двух туземцев во священники новооснованной и торжественно объявленной народу «православной церкви». В этой «православной церкви» для богослужений пользовались католическим *Missel* и английским *Prayer Book!* Не удивительно, что и Рейвен Спартас и Овадья Басажакивало не были удовлетворены «учением» архиеп. Даниила и всячески старались найти подлинную православную церковь. По счастью в это время, в Уганде, проживал православный грек г-н Влахос. Узнав об объявившейся, в гор. Кампала, недалеко от столицы Энтебе, православной церкви, он тотчас вошел в контакт с ее возглавителями и направил их к архим. Никодиму Сарикас, свяществувавшему в соседнем протекторате, Танганайка. Архим. Никодим немедленно приехал в Уганду, чтобы расследовать на месте положение новой церкви и послал обстоятельный доклад патриарху Александрийскому Мелетию. С этого времени, 1932 г., и началось непосредственное общение между православной общиной в Уганде и Александрийским Патриархом, приведшее, через 20 лет, в 1952 г., к официальному признанию Угандской церкви, как православной. В 1935 г. архим. Никодим выписал к себе в Моши четырех молодых угандцев, а в 1939 г. троих из них отправил в Александрию для дальнейшего обучения. В 1942 г. Александрийский Патриарх Христофор послал в Уганду своего представителя, митр. Николая, который обеспечил молодую церковь богослужебными книгами и церковной утварью и облачениями. С этого времени Угандская церковь стала православной не только внутренне, но и внешне. В 1945 г. четыре студента были посланы в Афины, в Богословский факультет, где трое из них получили докторскую степень. Пятый студент в 1949 г. был послан на обучение в Каир. Наконец, в 1952 г. Угандская церковь добилась официального признания от Александрийского Патриарха и о. Обадья Басажакивало был назначен действующим викарием Африканской греко-православной Церкви в Уганде.

Ныне Угандская Церковь насчитывает до 10.000 членов, из которых 7.000 детей. Она имеет в своем распоряжении пока лишь 10 школ, из которых шесть низших и четыре средних. Директора школ — все православные, учителя принадлежат к разным вероисповеданиям. Богослужения совершаются на местном угандском языке.

Православная Угандская Церковь, окруженная давно основанными и богатыми английскими и католическими церквями, нуждается буквально во всем: в денежном пособии, в культурных священниках, в учителях, в докторах для госпиталей, в богословской литературе на английском и греческом языках, в иконах и т. д. При церкви имеется секретариат, с которым можно переписываться на английском или греческом языках. Всякую помощь и корреспонденцию просят направлять по следующему адресу: African Greek Orthodox Church, Kasubi, P.O. Box 4064, Kampala, Uganda (F. A.).

*) Существует ли эта своеобразная церковь и поныне, ни нам, ни нашему Угандскому корреспонденту не известно.

Будем надеяться, что православный мир не бросит на произвол судьбы молодую негритянскую православную церковь, рожденную не столько людскими усилиями, сколько милостью Божией, и всемерно поможет ей укрепиться и развиваться*).

Н. Струве.

БИБЛИОГРАФИЯ

Игумен Геннадий. «Закон Творения» (очерк философской системы И. М. Гоэнэ-Вронского). Буэнос Айрес, 1956. (325 стр.).

Игумен Геннадий Эйкалович, окончивший Православный Богословский Институт в Париже и преподающий в Свято-Тихоновской Семинарии в Южном Ханаане, в США, защитил перед своим отъездом в Америку в публичном собрании Института диссертацию на степень Магистра Церковных Наук. Официальными оппонентами выступали на диспуте проф. прот. В. Зеньковский и проф. Л. А. Зандер, которые в своем разборе диссертации отметили ценность труда игумена Геннадия. Первый оппонент дал критическую оценку системы Вронского, что вызвало в свою очередь пространственный ответ магистранта. Теперь автору труда удалось издать не только текст диссертации, но и речь о. В. Зеньковского, свой ему ответ, биографию философа, библиографию его трудов и краткий словарь философских терминов употребляемых Вронским, что составило том в 325 страниц.

Игумен Геннадий, после обстоятельного введения, в котором он указывает на место Вронского в ряду других выдающихся мыслителей, посвящает особую главу мессианизму Вронского.

Главная часть диссертации посвящена изложению системы польского философа в ее постепенном развитии от ее основ до определения Закона Творения. Гоэнэ-Вронский (1776-1853) написал значительное количество философских трудов, но все они являются частями одной стройной и разработанной в деталях системы. Систематизация всего материала была уже до иг. Геннадия проделана французским ученым Варреном. Автор новой работы о Вронском коснулся в своей диссертации Мессианизма польского мыслителя только в пределах философской системы и не касается его применения к другим наукам. Тем не менее труд игумена Геннадия представляет из себя очень ценную сводку учения Вронского и определение его «Закона Творения».

Система Вронского трудная и чтобы ее вполне понять, надо освоиться с его способом мышления. Только тогда его философия может открыть новые горизонты в определении процесса мышления.

Почти всю жизнь Гоэнэ-Вронский прожил в Париже и тут же он написал почти все свои сочинения, как философские, так и математические. Из последних самым известным является «Введение в философию математики». Вронский был верующим христианином, озабоченным приростом пользы Церкви. В 1827 году он обратился к Папе с призывом о реформах, а с 1829 начал издавать свои мессианские труды.

*) Интерес негров к православию, как будто не ограничивается Угандой. Недавно в Москву приезжал один неправославный епископ-негр из Западной Африки с «мольбой принять его в лоно Православной Церкви». Соединение его с Православной Церковью пока не состоялось, так как он «еще очень мало научен в истинах Православия». (См. Проповедь митр. Николая в праздник Рождества, Ж. М. П., 12, 1956, стр. 33).

В 1842 году появляется его работа о судьбах Франции, Германии и России, в 1850 г. он обращается с призывом к славянским народам, пишет свои «Сто решительных страниц, обращенных к русскому Императору», в которых излагает свои мысли о судьбах Востока и Запада.

Труды Вронского очень разнообразны и многие из них только теперь становятся актуальными, поэтому надо быть благодарным игумену Геннадию за его работу, которая знакомит русских читателей с знаменитым польским мыслителем.

П. К.

Х Р О Н И К А.

СЪЕЗД РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ*).

11—12 мая 1957 г. в Биевре.

Каждый съезд несет с собой неожиданности, — как для его участников, так и для его организаторов. Можно заранее рассчитать свои часы, можно тщательно обдумать всю программу, но чем будет съезд в духовном смысле, что он с собой принесет, и что даст, — этого никто предсказать не может.

Весенний съезд отличался внешне своей краткостью (всего два дня) и своей многочисленностью (в нем участвовало более 350 человек, среди которых большое количество учащейся в лицеях молодежи), причем были делегаты молодежи из Англии (7 человек), из Бельгии (4 ч.), из Швейцарии (3 ч.), а также из следующих городов Франции: из Биаррица (2 ч.), из Нанси (2 ч.), из Кресо (4 ч.), из Лилля (5 ч.) и из Ниццы (2 ч.). Краткость не помешала съезду стать жизненным событием для тех, кто в нем принял участие: событие это можно охарактеризовать, как узрение явленной святости.

Рамки работы съезда были обычными: утром — литургия, затем доклад, его обсуждение в группах с совместным подведением итогов; от обеда до чая — свободное время, затем второй доклад, ужин, вечернее богослужение, исповедь. Докладчиками были: о. А. Князев («Чем обладает христианин»), Abbé Pierré («Почему рабочие остаются вне Христианства»), в субботу, 11 мая, а в воскресенье, 12 мая утром, состоялся двойной доклад Л. Зандера и О. Клемана («О религиозном возрождении в конце XIX и в начале XX в., в России и во Франции»). Днем о. В. Зеньковский прочел заключительный доклад на тему «Правда Церкви». На первый взгляд все эти темы, как будто не связаны одна с другой, но в действительности, все они оказались различными гранями одной проблемы и одной правды. О. Князев, с большой силой, развил мысль о том, что весь мир дан христианину «не для просмотра» (термин Н. Ф. Федорова), а для его творческого преображения, что, в этом отношении, христианское творчество, как направленное на мир внутренний (на самого себя), так и на мир внешний — не знает границ. Бог создал мир, но поручил его человеку. Ответ Abbé Pierré'a (о нем ниже) дал потрясающее в своей простоте объяснение, почему фактически мир не принадлежит Христу: потому что мы мало любим, потому что мы христиане только на словах...

Темы следующего дня можно назвать конструктивными. Л. Зандер и

*) Статья была помещена в «Русской Мысли» № 1059 — 23 мая 1957 г.

О. Клеман говорили о той тяге к христианству, которая ознаменовала собой культурные движения последнего времени. Удивителен тот параллелизм, который существует в этом отношении между русской и французской мыслью. Наконец, о. В. Зеньковский, в последнем докладе, подвел итоги всему вышесказанному и, в конкретных формах, показал, как идти к Церкви и как жить в Церкви православному христианину.

Основным впечатлением съезда был доклад, вернее, личность Abbé Pierré'a. За последние годы его имя приобрело мировую известность. Его работа в пользу бездомных и голодных, его мужество в обличении эгоизма нашего строя и нашей культуры, его умение пробуждать сердца и вдохновлять людей на лучшую жизнь, сделали его апостолом христианской любви, которому не только удивляются, но которого слушают. У руководителей Р.С.Х.Д. явилась счастливая мысль пригласить его на съезд. Он сейчас же согласился, потому что принципиально никому не отказывает... Говорит он совсем просто: ни красноречия, ни жестов; нет в его словах ни эффектов, ни образности. Но это огонь, который жжет, хотя и не ослепляет. Таков же и он сам: в заплетанной рясе, в стоптанных сапогах, с нестриженной бородой — это сама простота и сама человечность. Таков, вероятно, был св. Франциск, который являл свою святость в лице человеческом и только человеческом.

Отец Пьер говорил не только о любви (которая есть сущность Бога и должна быть сущностью человека — поскольку человек есть образ св. Троицы), но и об ее отсутствии. Ссылаясь на официальную статистику, он показал, что, если взять человечество в целом, то из трех человек один обязательно умирает от голода, один находится в состоянии крайнего истощения и только один питается или чрезмерно или неправильно. Указывая на огромные успехи гуманитарной техники, (охрана детства и материнства, уменьшение заболеваний, удлинение срока жизни), он говорил, что все эти достижения сводятся на нет, если в мире царствуют безработица, неправильное распределение благ и т. п. Это был грозный суд над современной культурой, призыв оглянуться и опомниться... Все подобные слова могут звучать невероятными трюизмами (когда за ними ничего не стоит), и они же могут достигать силы подлинного пророчества, когда мы чувствуем за ними горящее и милующее сердце. В этот удивительный час, мы это сердце видели, оно билось перед нами и заставляло биться и трепетать и наши сердца.

В этом жизненном переживании христианства, в этом видении «опыта деятельной любви» (слова Достоевского) — смысл и ценность пережитого съезда.

Л. Зандер.

ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(конец 1956 г. — начало 1957 г.).

Епископат.

В первую очередь отметим освобождение из ссылки двух епископов: Веньямина (Новицкого) и Иосифа (Чернова). Первый был хиротонисан в Луцке в 1941 г. во еп. Пинского, а во время немецкой оккупации занимал Полтавскую кафедру. Уклонившись от эвакуации, он был арестован в 1944 г. и пробыл в ссылке не менее 12 лет. О втором нам известно только, что он — бывший епископ Таганрогский. Так как при реорганизации епархий в 1945 г. Таганрогская кафедра не была восстановлена, то следует предполагать, что еп. Иосиф занимал ее во время немецкой оккупации; вряд ли он мог быть хиротонисан раньше

этого времени, так как в период предшествовавший войне, хиротоний не было. Назначен он на сравнительно скромную должность еп. Павлодарского (Казахстан), викария Алма-Атинской епархии. До 1949 г. когда она была фактически упразднена, епархия эта была самостоятельна. Еп. Венямин назначен на Омскую и Тюменскую кафедру, причем еп. Венедикт (Пляскин), также недавно выпущенный на свободу, освобождается от управления этой епархией¹). К этим двум «выходцам с того света», следует причислить и еп. Афанасия, подписавшего две богослужебные заметки в Журнале Московской Патриархии²): имя его до сих пор ни разу не встречалось ни на страницах Журнала, ни в списках правящих архиереев.

Число освобожденных епископов достигает теперь 7, цифра немалая, приблизительно 12% всего епископата³). Но, увы, еще большее число епископов, из арестованных во время или после Второй Мировой Войны⁴), продолжает пребывать в ссылке, если уже не погибли: Дамаскин (Малюта), еп. Каменец-Подольский, Серафим (Кушнерук), еп. Херсонский, Панкратий, еп. Курский, Никодим, еп. Почаевский, хиротонисанные между 1941 и 1944 г. и пропавшие в 1944 г. Анатолий (Марценко), архиеп. Тульский до 1949 г., Даниил (Юзвюк), архиеп. Пинский до 1950 г.⁵), Михаил (Постников), еп. Пензенский до 1947 г., Максим (Бачинский), еп. Измаильский до 1947 г., Зиновий (Красовский), хиротонисанный в 1948 г. и уволенный на следующий же год.

В течение Великого Поста пришла весть о кончине митр. Новосибирского Нестора (Анисимова), умершего от последствий восьмилетнего заключения в советских тюрьмах (1948-1956⁶) и архиеп. «Кировского» Венямина (Тихоницкого), брата Экзарха Константинопольского в Западной Европе, митр. Владимира. Архиеп. Венямин, уроженец гор. Вятки, был возведен в сан епископа в 1943 г. и назначен в свой родной город, в котором предстоятельство в течение 14 лет до самой своей смерти.

Упомянем в этой рубрике, посвященной епископату, о выделении Новгородской епархии в самостоятельную епархию, и в связи с этим о восстановлении прежнего титула митрополитов Ленинградских (sic!) — «митрополит Ленинградский и Ладужский».

Церковная жизнь:

Обращает внимание сообщение о перенесении мощей святителя Никиты, еп. Новгородского (1096-1108), в сентябре 1956 г. в Никольский собор, гор. Новгорода. Так как не сказано откуда были перенесены мощи св. Никиты, то следует предполагать, что они были возвращены Церкви гражданскими властями из какого-нибудь «исторического» или, что то-же самое, антирелигиозного музея. Историческая сводка данная при этом

1) Ж. М. П., 12, 1956, стр. 7.

2) Там же, 1, 1957, стр. 28 и 2, стр. 20.

3) Сравни определение «Нечаянной радости», данное митр. Николаем в одной из недавних своих проповедей: «Мы знаем такую радость в обычной жизни... Пропал без вести человек; годы о нем не слышно; близкие считают его погибшим — и вдруг он дает о себе весть или является сам. Опять милость Божия! Нечаянная Радость». (Ж. М. П., 2, 1957, стр. 25).

4) Из арестованных до 1940 и не выпущенных на свободу в 1943-45 г., вряд ли, кто-нибудь остался в живых.

5) Все упомянутые иерархи до 1940 г., жили вне пределов С.С.С.Р., в Польше или Прибалтике.

6) См. Вестник, 44, стр. 32.

сообщении завершается 1553 г., когда обретенные мощи были поставлены в Софийский собор⁷).

Мы уже писали здесь о низком уровне церковной проповеди, сведенной в Сов. России к практически-моральному поучению⁸). Недостаточность такого рода проповедей осознается и в самой России. Кандидат богословия В. Протопопов посвятил этому вопросу целую статью, в которой призывает пастырей освещать в проповедях и догматические вопросы: «Бесспорно, пишет он, вопросы христианской морали должны занимать в церковной проповеди центральное место, но не исключительное... Необходимо осветить светом христианского учения и христианской веры дела тех, которые пришли молиться в наши храмы... Прежде всего нужно дать верующим понятие о Свящ. Писании, о Библии, как источнике наших знаний и верований... Известно, что в широких массах существуют самые нелепые сведения и суеверия о Библии; почти никто, кроме получивших специальное богословское образование, не удосужился внимательно и глубоко ознакомиться с ней... К великому сожалению молящимися воспринимается иногда только внешняя форма -(богослужения)... Отсюда возникает новая задача современной церковной проповеди — повседневно раскрывать содержание и смысл церковного богослужения, обрядов, песнопений и не в отдельных только случаях, а последовательно, в общей взаимной связи со всем богослужением, с таинствами, догматами, историей и т. д...»⁹).

Антирелигиозная пропаганда, несмотря на более либеральный курс советской политики, не прекращается. Целый ряд статей на антирелигиозные темы помещен в первом номере журнала «Наука и жизнь», за 1957 г. В Комсомольской Правде от 19-го февраля корреспондент из гор. Сталина сетует на все возрастающее влияние Церкви на молодежь и требует одновременно усиления и учащения антирелигиозной пропаганды. Методы прямого воздействия, нарушение «свободы культа» массовыми демонстрациями, не поощряются. В гор. Сталине комсомольцы, устроившие бал на церковной площади во время богослужения, были разогнаны милицией. В том же городе, жалуется Ком. Правда, молодые рабочие металлургического завода имени Сталина нередко после ночной работы посещают утренние церковные богослужения; баптисты обязуются каждый привести к христианству хотя бы одного человека¹⁰).

Церковно-политическая деятельность Московской Патриархии.

Агентство Тасс, в свое время, позаботилось о широком распространении той части новогоднего послания Патриарха Алексия, в котором глава русской церкви под давлением, надо надеяться, советской власти, выступил с осуждением англо-французской высадки в Египте, и, что хуже, в защиту советской интервенции в Венгрии: «Всемирно известно, писал в этом послании Патриарх, что армии трех стран неожиданно вторглись в мирный Египет с целью захвата Суэцкого канала и своими агрессивными действиями вызвали возмущение всех народов. А в Венгрии возникла попытка враждебных народу сил нарушить мирный строй жизни, угрожая огромными международными осложнениями... К сожалению некоторые зарубежные высокие духовные лица, будучи, видимо, неправильно осведомлены о событиях в Венгрии, обратились к нам с призы-

7) Ж. М. П., 12, 1956, стр. 7.

8) Вестник, 44, стр. 34.

9) Ж. М. П., 2, 1957, стр. 59-62.

10) См. Иренейков, XXX, 1, 1957, стр. 72-73.

вом повлиять на наше правительство в смысле отказа его от помощи венгерскому народу в его борьбе против сеявших смуту и стремившихся превратить Венгрию в неизбежный очаг новой мировой войны» 11).

Что Патриарх, еще недавно призывавший благословение на Сталинские «подвиги», должен был, против совести, выступить в защиту очередного советского злодеяния, нас удивить не может, но как наивны «зарубежные высокие духовные лица» (главным образом — протестанты), думавшие, что Патриарх может иметь какое-либо влияние на советское правительство! Ответ Патриарха имел как-будто отрезвляющее действие на эти протестантские круги: епископы датской лютеранской церкви решили в начале января прекратить сношения с Московской Патриархией. До них уже, глава норвежской лютеранской церкви выступил печатно с обличением двусмысленности беспрестанных поездок церковных делегаций в Москву 12).

Отметим, в пользу Патриарха, что венгерского вопроса он коснулся лишь в новогоднем послании всем архипастырям и пастырям русской церкви, но умолчал о нем в рождественском обращении ко всей пастве, в котором ограничился осуждением англо-французской политики на Ближнем Востоке.

Более подробно о венгерских событиях трактуется в тенденциозной статье А. Васильева, являющегося вместе с митр. Николаем и А. Ведерниковым, одним из постоянных сотрудников отдела Ж. М. П., посвященного политической пропаганде и озаглавленного «В защиту мира».

Помимо общих мест советской пропаганды, эта статейка приводит несколько фактов, показывающих, как широко и разносторонне мобилизуются духовные власти в СССР для поддержки политики Советского правительства и внедрения в массы советской лжи. Так, с осуждением агрессии в Египте выступили представители еврейских общин в Грузии и Ташкенте. Было и общее «Заявление» от имени всех раввинов. «Полную солидарность с народом Египта» высказали мусульмане города Москвы, а также мусульмане Азербайджана, Армении и Грузии. В связи с венгерскими событиями, духовенство и верующие люди, живущие вблизи от венгерских границ вынуждены были заявить в местной печати о «несостоятельности», очевидно широко распространившегося «слуха» о депортации венгерских граждан в СССР. Архиеп. Львовский Палладий писал: «От имени духовенства и верующих западных областей Украины свидетельствую, что там, проживающим в непосредственной близости от венгерской границы, связанной с Советским Союзом единственной Львовской железной дорогой, неизвестно ни одного случая насильственного вывоза кого бы то ни было из Венгрии в пределы Сов. Союза...». В том же духе писал еп. Мукачевский Варлаам: «У меня ежедневно бывает много лиц из духовенства и верующих епархии, но никто из них не видел и не слышал (sic!!) ни одного из перевозимых арестантов. И это ясно, так как таковых нет...». Подобные заявления были сделаны и управляющим Каунасской Католической епархией, каноником др. М. Стакевичусом и представителями других религиозных объединений 13). На воре шапка горит... Но любопытно, что Советская Власть, в своей пропаганде прибегает к духовным авторитетам.

11) Ж. М. П., 12, 1956, стр. 3-4.

12) См. *Trénikon*, XXX, 1, 1957, стр. 71-72.

13) Ж. М. П., 1, 1957, стр. 21.

14-го марта 1957 г., в день Торжества Православия, Священным Синодом было подписано «Обращение Русской Православной Церкви ко всем ее чадам пребывающим в рассеянии и вне ограды Матери Церкви». Напечатанное отдельным изданием, для более скорого распространения среди его адресатов 14), обращение это носит столько же политический, сколько и церковный характер. Если старые эмигранты призываются скорее к единению с Матерью-Церковью, то новые эмигранты открыто приглашаются вернуться в Сов. Союз. При чем чуть ли не впервые официально признается, что во время Отечественной войны «многие десятки тысяч православных людей» добровольно покинули Россию. Приводится небольшой список архипастырей и пастырей вернувшихся из разных стран в СССР. Среди них упомянут митр. Нестор (Анисимов) — пример не очень удачный, так как последний просидел в ссылке не менее 7 лет и вышел на свободу с таким подкошенным здоровьем, что не прожил и года. Тон «Обращения» в целом умеренный и осторожный, характерен для обстановки послесталинского периода. О революции говорится, как о «чрезвычайных событиях 1917 г.». «Огромные достижения» последних сорока лет приписываются не советским вождям, а русскому народу... Церковь в Сов. России не погибла, как-то думали, якобы, эмигранты, а «живет милостью Божьей и приветствует вас о Христе». Мы далеки тут от утверждений, что в Сов. России созданы наилучшие условия для процветания Церкви. Эмигранты ошиблись, «неправильно предвидели ближайший ход истории». «...Прошли десятилетия, изменились обстоятельства, другой стала сама жизнь людей. Время научило всех многому. В настоящие дни, нам кажется, нет оснований к тому, чтобы продолжалось разделение среди членов Русской Православной Церкви... Благословенное объединение... совершенно исключает всякое покушение на гражданскую свободу православных. Они могут быть верными гражданами любого государства, находясь в лоне Матери-Церкви и свободными от всяких политических влияний и давлений».

Поражает слабость аргумента, которым в Обращении доказывается свобода церкви в СССР. «Если бы Церковь в СССР была не свободна, то восточные патриархи, главы автокефальных церквей и их представители, за последние 12 лет неоднократно посещавшие нас в сопровождении митрополитов, епископов, архимандритов и других лиц, неизбежно отметили бы это обстоятельство, чего, однако, не случилось и не могло случиться...». Неужели если Церковь действительно свободна, то это не является из ее действий, а приходится, чтобы убедиться в этом, полагаться на свидетельства зарубежных гостей?

Критический обзор книг и статей о положении Церкви в сов. России 15)

Прот. А. Б. Константинов. Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. (Мюнхен, 1956, 78 стр.). Автор, принявший священный сан в 1941 г., был духовником во Власовской Армии и много путешествовал по западной и южной России. Основное положение его книги то, что 1940 г. является предельным моментом отхода молодежи от церкви. Постепенно, в связи с войной и с восстановлением относительной религиозной свободы, намечается несомненное очерковление небольшого ядра

14) Обращение также напечатано в только что вышедшем № 3, Ж. М. П., стр. 5-8.

15) Покорнейшая просьба издателям или авторам книг и статей о положении Церкви в СССР, присылать их в Редакцию «Вестника» для помещения о них заметок в этом критическом обзоре.

советской молодежи. К сожалению, это положение, само по себе весьма правдоподобное, недостаточно подкреплено фактическими данными.

Его-же. Богослужбные тенденции Православной Церкви в СССР (Вестник Института по изучению СССР, 3/20/1956, стр. 106-115). Обзор составлен исключительно по данным Журнала Московской Патриархии. Автор подчеркивает признаки бесспорного возрождения богослужбной практики, особенно в области церковного пения и проповеди.

Е. Н. Из истории отношений советской власти к Церкви на Дальнем Востоке. (Там-же, стр. 101-105). Историческая справка о разгроме церковной жизни в Маньджурии, в частности, в Харбине между 1945 и 1950 г. Заключение автора слишком пессимистично. Недавние чудеса в Харбине (см. Православная Русь за 1957 г.), показывают, что церковная жизнь, несмотря на преследования, еще не окончательно замерла. Имеются даже случаи перехода китайцев в Православие.

Прот. А. Шмеман. Богословская школа в СССР (1943-1955). Там же, 1/22, 1957, стр. 82-100). обстоятельное исследование, особенно ценное в своей первой, исторической части. Напрасно автор не воспользовался подробным докладом инспектора «Ленинградской» Академии, Л. Н. Парийского, опубликованным в *Голосе Православия* (8-12, Берлин, 1953) и в основном перепечатанным в *Вестнике Р.С.Х.Д.* 32. 1954, стр. 19-22. В нем, помимо целого ряда ценнейших данных, указаны труды наставников Академии, о которых в статье о. Шмемана нет никаких сведений.

Н. Григорьев. Журнал Московской Патриархии. (Там же, 2(19), стр. 135-142, 3/20, стр. 134-138 и т. д.).

Основной недостаток тщательных обзоров Н. Григорьева заключается в том, что он считает данные, помещенные в Ж. М. П., исчерпывающими всю церковную действительность. На самом деле сообщения, печатаемые в Ж. М. П., носят чисто случайный характер. Есть епархии или области, о которых нет никаких сведений. Это не значит, что в этих епархиях ничего не происходит, а просто, что архиерей или их секретари не считают нужным обнародовать подробности своей деятельности. Поэтому не следует торопиться с выводами. Имеются также в обзорах Н. Григорьева и неизбежные неточности. Так в последнем обзоре, скончавшийся прот. Вячеслав Стефанович Солдартинский неправильно назван «видным» священнослужителем и «ученым». Таковым был его однофамилец или родственник С. А. Солдартинский († 1920 г.), автор ценного труда о пастырском богословии: «Пастырство Иисуса Христа».

Отдел «Храмы и монастыри» — не новый, а в той или иной форме существовал всегда.

Статьям М. Добрынина о Яковитской Церкви Н. Григорьев уделяет несколько хвалебных строк, «хотя автор этих статей, является лишь студентом Академии». Не знаю известно ли Н. Григорьеву, что М. Добрынин — квалифицированный ученый, а студентом Академии является отчасти поневоле? Один из наиболее ценных сотрудников «Ленинградского» Восточного Института, М. Добрынин, в то же время, имел неосторожность «участвовать» в богослужениях в качестве иподиакона. Как только такой факт дошел до сведения начальства, Добрынин был исключен из состава сотрудников Института, после чего поступил в Духовную Академию и стал сотрудником Журнала Московской Патриархии¹⁶⁾.

Н. Струве.

16) Литературная Газета. 14 окт. 1954 г. «Хамелеоны» А. Половникова и Н. Селиверстова.